

Годъ ЛШ.

1917 г.

1—15 Мая.

Смоленскія ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза
въ мѣсяць.

№ 9.

Цѣна годовому изда-
нію 8 рублей.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Его Преосвященствомъ опредѣлены на мѣста:

Назначены:

12 апрѣля 1917 года на священническое мѣсто къ церкви села Преображенска, Духовщинскаго у. діаконъ села Язвина Александръ Коченовскій.

20 апрѣля допущень къ временному исполненію должности псаломщика при церкви села Колесниковъ, Краснинскаго уѣзда, Василій Пальцевичъ.

28 апрѣля на священническое мѣсто къ церкви с. Чижева, Духовщинскаго уѣзда опредѣлень діаконъ-псаломщикъ сего же села Іоаннъ Зыковъ.

27 апрѣля гражданинъ Федоръ Ивановъ Гусевъ опредѣлень временно исполняющимъ должность псаломщика къ церкви села Чепчугова, Вяземскаго уѣзда.

27 апрѣля воспитанникъ 4 кл. Семинаріи Константинъ Марковъ допущенъ временно къ и. д. псаломщика къ церкви с. Спасъ-Угловъ, Духовщинскаго у.

У в о л е н ы:

18 апрѣля и. д. псаломщика с. Колесниковъ, Краснинскаго уѣзда, Владимиръ Ширяевъ согласно прошенія.

27 апрѣля и. д. псаломщика с. Спасъ-Угловъ, Духовщинскаго уѣзда. Леонидъ Чулковъ уволенъ отъ должности псаломщика.

У м е р л и:

30 марта діаконъ-псаломщикъ с. Мушковичъ, Духовщинскаго уѣзда Глѣбъ Леоновичъ.

Праздныя священно-церковно-служительскія мѣста по Смоленской епархіи:

С в я щ е н н и ч е с к і я:

Ушаково, Ельнинскаго уѣзда, Комары, Бѣльскаго уѣзда.

Д і а к о н с к і я:

Смоленскій Кафедральный Соборъ протодіаконское, Екимовичи, Рославльскаго у., Мольково, Смоленскаго уѣзда, Новорѣзано, Рославльскаго у., Мольня Бѣльскаго уѣзда.

П с а л о м щ и ч е с к і я:

Бологча, Рославльскаго у., Курьяново, Гжатскаго у., Опоково, Юхновскаго у., Бородино, Порѣч. у., Песочня, Ельнинскаго у., Докукино, Ельнинскаго у., Фомищево, Вяземскаго у., Головеньки, Бѣльскаго у., Борятинець, Рославльскаго у., Егорьевское Сычевскаго у., Екимовичи, Рославльскаго у., Ермолино, Рославльскаго у., Сергіевское, Рославльскаго у., Плай-Успенское, Порѣчскаго у., Озерищи, Дорогобужскаго у., Красное, Вяземскаго у.,

Берега, Бѣльскаго у., Острицы, Гжатскаго у., Язвено, Ельнинскаго у., Чижево, Духовщинскаго уѣзда, Лужки, Вяземскаго у.

Его Преосвященствомъ утверждены въ должности церковныхъ старость:

14-го апрѣля къ церкви с. Бѣлоручья, Смоленскаго у., крестьянинъ Косьма Титовъ на 1-е трехлѣтіе.

— къ церкви с. Новоселья, Рославльскаго у., крестьянинъ Павелъ Егоровъ Курокинъ на 3-е трехлѣтіе.

— къ церкви села Петропавлова, Гжатскаго уѣзда, крестьянинъ Яковъ Васильевъ Евфимовъ на 3-е трехлѣтіе.

— къ церкви села Екимовичъ, Рославльскаго уѣзда, крестьянинъ Тихонъ Семеновъ Коржаковъ на 1-е трехлѣтіе.

20-го апрѣля къ церкви с. Драгочева, Бѣльскаго у., крестьянинъ Василій Калистратовъ Новиковъ на 1-е трехлѣтіе.

21-го Апрѣля къ церкви с. Пречистенскаго, Гжатскаго у., крестьянинъ Григорій Ивановъ на 3-е трехлѣтіе.

24-го апрѣля къ церкви с. Голосова, Краснинскаго у., крестьянинъ Григорій Яковлевъ Кривенковъ на 1-е трехлѣтіе.

25-го апрѣля къ церкви с. Соловецъ, Вяземскаго у., крестьянинъ Григорій Степановъ Барабоненковъ на 2-е трехлѣтіе.

— къ церкви с. Милюкова, Сычевскаго у., крестьянинъ Григорій Карповъ на 1-е трехлѣтіе.

Его Преосвященствомъ преподано Архипастырское благословеніе:

21-го апрѣля прихожанамъ церкви с. Преображенска, Духовщинскаго у., крестьянскимъ дѣвицамъ Агрипинѣ Петровой Минченковой, Марфѣ Тимофѣевой Козловой, Татіанѣ Васильевой Гарусиной и Александрѣ Даниловой Калупиной за участіе въ мѣстномъ церковномъ храмѣ.

25 го апрѣля акушеркѣ Николаевской Земской больницы Агнии Николаевнѣ Лобачевской за пожертвованіе ею въ церковь с. Муравишниковъ, Сычевскаго у., церковныхъ предметовъ на 125 рублей.

Въ теченіе марта мѣсяца 1917 года въ приходѣхъ Смоленской епархіи Попечительными Совѣтами по оказанію помощи семействамъ лицъ призванныхъ въ ряды войскъ собрано; а) деньгами 1082 руб. 59 коп. въ томъ числѣ отъ прихожанъ 803 руб. 65 коп. и отъ церквей 278 руб. 94 коп., а всего съ остаткомъ отъ предыдущаго мѣсяца имѣлось въ распоряженіи Попечительныхъ Совѣтовъ 4533 руб. 26 коп. и б) натурою 2 пуд. муки; 8 пуд. ржи; 4 пуд. гречихи; 3 мѣр. картофеля; 13 пуд. сѣна; 43 арш. холста; 15 полотенець; $\frac{1}{4}$ саж. и 18 возовъ дровъ. Оказана помощь въ теченіи Марта мѣсяца 588 семействамъ; деньгами 982 руб. 27 коп. и натурою выдано: 2 пуд. муки; 5 пуд. ржи; 4 пуд. гречихи; 3 мѣры картофеля; 13 пуд. сѣна; 3 арш. холста; 15 полотенець; $\frac{1}{4}$ саж. и 18 возовъ дровъ.

Богослуженія.

23 апрѣля—воскресенье. Его Преосвященство, преосвященнѣйшій Θεодосій, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій совершилъ въ Каедральномъ Соборѣ въ сослуженіи съ причтомъ Божественную Литургію. Въ санъ іерея рукоположенъ діаконъ села Язвена, Ельн. у., Александръ Каченовскій опредѣленный къ церкви с. Преображенскаго, Духовщинск. у., во діакони рукоположенъ псаломщикъ с. Шиловичъ, Духовщинскаго у., Павелъ Лебедевъ съ оставленіемъ на вакансіи псаломщика. Въ стихарь посвящены воспитанники 6 класса Духовной Семинаріи Спиридоновъ Дмитрій, Куркинъ Іоаннъ и Медвѣдковъ Алексѣй. Проповѣдь произнесъ соборный священнику Михаилъ Лебедевъ.

25 — среда. Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Θεодосій, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій, совершилъ въ Каедральномъ Соборѣ въ сослуженіи съ причтомъ Божественную Литургію и крестный ходъ на Днѣпръ для водосвященія. Въ санъ іерея возведенъ діаконъ села Приселья, Духовщ. уѣзда, Симсонъ Чудовскій опред. при церкви того же села священникомъ, на діак. вакансіи; во діакона псаломщинъ с. Юровъ Красн. уѣзда Николай Плаксинъ опредѣленный къ церкви с. Гореново, Росл. уѣзда. Проповѣдь произнесъ соборный священникъ Михаилъ Лебедевъ.

30 — воскресенье. Его Преосвященство, Преосвященной-
шей Θεодосій, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій совершилъ
въ Каедральномъ Соборѣ Божественную Литургію въ сослуженіи
съ причтомъ Въ санъ діакона рукоположенъ псаломщикъ с. Яз-
вена, Ельнинскаго у. опред. діакономъ при томъ же селѣ. Въ
стихарь воспт. VI класса Духовной Семинаріи: Медвѣдковъ Ни-
колай, Недачинъ Димитрій и Іоаннъ Оглоблинъ. Слово произ-
несъ Владыка.

Смоленской Духовной Консисторіи

Предложеніе.

Во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ
29 марта сего 1917 г. за № 1893, напечатаннаго въ № 9—
15 церковныхъ вѣдомостей 8 сего апрѣля, о содѣйствіи со
стороны духовнаго вѣдомства успешному распространенію
„Займа Свободы 1917 года“, предлагаю Консисторіи немед-
ленно сдѣлать распоряженіе, чтобы 1) городское и сель-
ское духовенство, Смоленской епархіи приняло самое дѣя-
тельное участіе въ разъясненіи значенія займа, какъ дѣла
великой Государственной и Отечественной важности, а так-
же и освѣдомленіи того же населенія съ условіями и спо-
собами участія въ займѣ и мѣстами подписки на него, 2)
благословляется оному духовенству свой пастырскій при-
зывъ предварить въ церквахъ прочтеніемъ приложенныхъ
къ означенному номеру „Церковныхъ Вѣдомостей“ состав-
ленныхъ на сей предметъ поученій и 3) предписать всѣмъ
дѣйствующимъ въ епархіи установленіямъ духовнаго вѣ-
домства: архіерейскому дому, монастырямъ, церквамъ, цер-
ковно-благотворительнымъ, просвѣтительнымъ и хозяйст-
веннымъ учрежденіямъ всѣ могущія быть свободныя деньги
обращать на приобрѣтеніе облигацій выпускаемаго нынѣ
займа.

Θеодосій, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій

Въ заботахъ о громадныхъ церковно-строительныхъ нуждахъ Сибирскихъ епархій, въ особенности въ новооткрываемыхъ переселенческихъ приходахъ, Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ, отъ 24—26 февраля 1915 года за № 1428, постановилъ продлить на 5 лѣтъ, начиная съ 1915 г., сборъ пожертвованій во всѣхъ церквахъ Имперіи, съ производствомъ сего сбора въ дни Св. Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы.

Этотъ сборъ предназначается въ распоряженіе Особаго Совѣщанія при Святѣйшемъ Синодѣ по удовлетворенію духовныхъ нуждъ переселенческихъ приходовъ на построеніе церквей, устройство молитвенныхъ домовъ, временныхъ и походныхъ церквей, на приобрѣтеніе церковной утвари и на построеніе церковныхъ школъ. Въ день Св. Троицы, приходящійся въ настоящемъ году 21 Мая, желательно устроить и обставить указанный сборъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ дать результаты, соотвѣтствующіе широтѣ задачъ, предстоящихъ Святѣйшему Синоду по обеспеченію духовныхъ нуждъ переселенцевъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Печальное явленіе.

Исслѣдователи природы русскаго человѣка неоднократно указывали и указываютъ, что русской душѣ свойственно увлеченіе крайностями. Ни въ одной странѣ нѣтъ и не было такихъ сильныхъ уклоненій вправо или влѣво, какъ у насъ. Эта черта русской души особенно сильно проявилась въ наши дни. Налетѣвшій ураганъ политическихъ событій свергнулъ однихъ, вознесъ другихъ, перевернулъ психику третьихъ и рѣзко опредѣлилъ собой общее направленіе мысли русскаго человѣка — рѣзко оппозиціонное ко всему тому, что носить на себѣ отпечатокъ стараго режима. Во всей силѣ здѣсь сказалась отмѣченная нами черта психики русскаго человѣка. Со свойственной ему крайностью онъ сталъ порицать все то, чему еще недавно поклонялся. Увлеченіе демократизмомъ приняло какія-то болѣзненные формы. Слово „буржуазія“ стало ругательнымъ. Требованіе какого бы то ни было порядка и дисциплины стало въ нѣкоторыхъ кругахъ признакомъ сочувствія старому строю и правокаторства. Основное условіе свободы — исполненіе лежащихъ на насъ обязанностей не въ силу того, что этого требуетъ начальство, а въ силу сознанія своего нравственнаго долга, — у многихъ свелось къ полному отрицанію всякаго начальства и полнѣйшему произволу.

Нѣчто подобное, къ глубокому прискорбію, замѣчается и въ средѣ того сословія, которое положе-

нію своему призвано стоять выше классовыхъ, партійныхъ, а тѣмъ болѣе личныхъ интересовъ и счетовъ, быть руководителемъ народа по образу Пастыреначальника Христа и воплощать въ своей жизни и дѣятельности *вѣчныя* святаго начала правды, мира и любви. Мы говоримъ о духовенствѣ.

Съ самыхъ первыхъ дней своего обновленнаго существованія независимый органъ нашей церковной прессы «Всероссійской Церковно-Общественный Вѣстникъ» занялъ болѣе чѣмъ странную позицію въ отношеніи къ епископату Русской церкви. Своей первой задачей въ переживаемое для нашей церкви время Вѣстникъ объявилъ: «помочь Церкви, духовенству и Церковному Обществу въ эту критическую минуту разумнымъ словомъ, выясненіемъ положенія и посильнымъ совѣтомъ (№ 1)». И вотъ въ качествѣ такого добраго совѣта духовенству Вѣстникъ началъ обливать грязью епископовъ. Епископы трактуются имъ, какъ крайніе эгоисты, злые деспоты, только притѣсняющіе и прижимающіе подвѣдомое имъ духовенство. Епископы наши, по словамъ Вѣстника, всегда были «духовными командирами»; всегда относились „подозрительно къ подчиненному духовенству“; между ними и духовенствомъ образовалась «почти непроходимая страшная пропасть». Подчасъ сколько ироніи заключается въ словахъ этой газеты. Возьмемъ, напр., слѣд.: „Откуда, спрашиваетъ Вѣстникъ, въ нынѣшніе тяжелые дни можетъ придти помощь сельскому духовенству? Кто можетъ вступить за него?“ — и отвѣчаетъ: «Ужь, конечно, не епархіальный же архіерей. Этотъ и прежде не любилъ заступаться за сельскихъ отцовъ, а теперь тѣмъ болѣе замкнулся въ свою скорлупу и о себѣ лишь

печется, какъ бы не пострадать отъ кого (№ 7)». — Думается, трудно придумать что-либо болѣе ѣдкое по адресу епископовъ.

Горько читать эти строки! Неужели въ прошломъ, да и настоящемъ, у нашихъ епископовъ нѣтъ ничего хорошаго, и они достойны одного лишь осмѣянія? Неужели архіереи дѣйствительно не дѣлали ничего добраго и полезнаго для благоустройства своихъ епархій? Скажемъ прямо: неужели само духовенство положила руку на сердце скажетъ, что епископы ихъ ничего не дѣлали для защиты духовенства отъ сельскихъ кулаковъ и міроѣдовъ, а подчасъ и отъ самодурной власти помѣщиковъ? Все это безъ сомнѣнія было, но нынѣ все это преднамѣренно замалчивается и выставляется на показъ одно худое. Достойно ли это пера честнаго человѣка?...

Съ чувствомъ особой радости Вѣстникъ приводитъ постановленія губернскихъ комитетовъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ объ удаленіи архіереевъ. Дѣйствительно, такія постановленія были, но если поразмыслить хорошенько, то самъ собою возникаетъ вопросъ: являются ли постановленія этихъ комитетовъ выразителемъ желанія всего народа, составляющаго паству того или иного удаляемаго епископа. Исполнительные губернскіе комитеты не могутъ выразить настроенія 2-хъ или даже 3-хъ милліоновъ православныхъ людей, составляющихъ паству епарх. архіерея, и мы знаемъ даже примѣръ, когда голосъ народа по поводу удаленія одного архіерея рѣзко разошелся съ постановленіемъ губернскаго комитета. Мы имѣемъ въ виду Харьковъ, гдѣ голосъ народа и духовенства смѣло сталъ на защиту Архіепископа Антонія, несомнѣнно пользующагося боль-

шою любовію народа и духовенства, а между тѣмъ гонимаго губернскимъ комитетомъ. И въ другихъ епархіяхъ если народъ и не высказывалъ явно своего протеста противъ такого грубаго и гнуснаго обращенія съ своими епископами, то вѣдь это что доказываетъ? Да только то — и съ этимъ, думаю въ душѣ всѣ со мной согласятся, — что теперь лучше не протестовать, что нынче каждый боится сказать правду, а потому или является молчаливымъ созерцателемъ того, какъ у насъ на глазахъ всѣхъ попираются его святая святыхъ или просто поддѣлывается подъ вкусы толпы. Не инымъ, какъ поддѣлкой подъ грубые вкусы разнузданной толпы и, въ лучшемъ случаѣ, боязнию высказать откровенно свои мысли можно объяснить и то обстоятельство, что у насъ во всѣхъ газетахъ съ удовольствіемъ сообщается объ арестахъ епископовъ, о постановленіяхъ Еп. Съѣздовъ объ ихъ удаленіи и это обсуждается на цѣлыхъ столбцахъ. Наши епископы и вообще наше духовенство въ печати выставляется какъ реакціонная сила, тормозящая свободное развитіе нашего государства. А вотъ объ явно вредной для государства дѣятельности различныхъ организацій съ узко партійными взглядами и отдѣльных лицъ, въ родѣ Ленина, у насъ совсѣмъ замалчивается. По отношенію къ печати свѣтской, впрочемъ, все это болѣе или менѣе понятно. Но какъ обидно бываетъ, когда церковно-общественная газета и подъ ея вліяніемъ само духовенство и на страницахъ своихъ чисто духовныхъ періодическихъ изданій и въ постановленіяхъ своихъ съѣздовъ выносить иногда слишкомъ поспѣшное огульное обвиненіе своихъ архипастырей и требуетъ ихъ удаленія, какъ-бы забывая 39 правило св. апостоловъ: „пресвитеры и диаконы

безъ воли епископа ничего да несовершаютъ, ибо ему вѣрены людие Господни и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ“, — правило, которое особенно нужно было бы помнить въ наши дни. Такая тактика свѣтскихъ газетъ, повторяемъ, болѣе или менѣе понятна: тамъ считаютъ стыднымъ говорить о вредѣ дѣятельности, скажемъ, Ленина, а ругать духовенство съ самыхъ его верховъ и до низу не только не стыдно, но считается особымъ признакомъ прогрессивности печати. Фактъ общеизвѣстный: развѣ когда-нибудь и гдѣ нибудь на страницахъ свѣтскихъ изданій печаталось что-либо доброе о духовенствѣ? А развѣ не было этого добраго въ жизни духовенства и духовенство дѣлало только одно достойное осмѣянiя? Было и есть и очень много добраго, а напиши объ этомъ добромъ въ редакцію свѣтскаго изданiя, статья въ лучшемъ случаѣ безъ всякаго просмотра попадетъ въ корзину для грязной бумаги, а въ худшемъ какимъ либо хлесткимъ фельетонистомъ будетъ пепользована для осмѣянiя самого же духовенства. Впрочемъ, это печать свѣтская, гдѣ печатать хорошее и свѣтлое изъ жизни духовенства, быть можетъ, не входитъ въ задачи изданiя, а хулящiя духовенство статьи, быть можетъ, лишутъ явные враги церкви. Но какъ объяснить, что подобныя статьи почти ежедневно появляются на столбцахъ церковной газеты, сотрудничать въ которой враги церкви, безъ сомнѣнiя, не могутъ?.. Братiе миряне, а въ особенности отцы духовные, авторы хлесткихъ статей по адресу епископовъ! Не слишкомъ ли ужъ мы переусердствовали? Не слишкомъ ли мы ужъ детально мы разобрали этотъ вопросъ, такъ детально, что лучше бы было, если бы мы не коснулись кое-чего, компрометирующаго какъ будто бы

и не однихъ епископовъ? Не кажется ли со стороны наша позиція по отношенію къ нимъ дѣйствительно пресмыканіемъ передъ чѣмъ то? Не производимъ ли и мы впечатлѣніе взбунтовавшихся рабовъ?..

Какъ бы то ни было, но въ результатѣ всѣхъ этихъ газетныхъ статей и сообщеній явился печальный фактъ—полный развалъ церковной жизни. Вѣдь и въ церкви должна быть извѣстная дисциплина, поскольку церковь наша называется воинствующею, а мы ея воинами. Если дисциплина необходима въ арміи, то безмѣрно болѣе она должна отличать членовъ и особенно пастырей церкви. Мы все обновленіе церкви хотимъ свести къ полному уничтоженію дисциплины, забывая, что она фундаментъ всякаго церковнаго обновленія. И если пастыри, руководители церкви поймутъ такъ обновленіе церкви, то чего же можно ожидать отъ рядовыхъ членовъ ея? Примѣръ заразителенъ. Неужели наши прихожане не могутъ показать намъ же пастырямъ церкви на нашу церковную газету, на статьи, подписанныя именами священниковъ, съ вопросомъ: что это означаетъ? Неужели, далѣе, они не могутъ показать намъ на факты требованій духовенствомъ удаленія своихъ епископовъ и примѣнить подобный пріемъ по отношенію къ намъ самимъ? Вѣдь сдѣлать такой выводъ очень нетрудно. Онъ самъ собою напрашивается или, вѣрнѣе, мы сами на него напрашиваемся: если такъ легко можно смѣщать архіерея, главу, то, конечно, безмѣрно легче и очень доступно для каждаго подумать и объ удаленіи своихъ священниковъ. И вотъ не этимъ ли объясняется весьма знаменательный фактъ, имѣвшій мѣсто въ Саратовской епархіи, гдѣ на постановленіе епархіальнаго съѣзда духовенства

объ удаленіи двухъ епископовъ сельскія общества отвѣтили изгнаніемъ 40 священниковъ. *Verba docent, exempla trahunt.* А выводъ то вѣдь можно и очень легко продолжить и далѣе. Мы сейчасъ увлекаемся выборнымъ началомъ. Требованіемъ этого начала, между прочимъ, пока что прикрываются и тѣ, кто гонить отъ себя и епископовъ и священниковъ. Мы не выражаемъ принципиально противъ выборнаго начала. Наоборотъ, мы привѣтствуемъ его. Мы давно ждали его какъ настоятельную необходимость очистить пшеницу отъ плевелъ и въ средѣ насъ, духовной братіи. Но мы только хотимъ сказать, что пользоваться выборнымъ началомъ нужно съ большой осторожностью и кумира изъ него дѣлать не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ пользоваться не такъ, какъ до сихъ поръ пользовались имъ всѣ тѣ, кто на основаніи его выгналъ изъ Саратовской епархіи 40 священниковъ или изъ Харькова архіепископа Антонія. Выборное начало только тогда достигаетъ своихъ цѣлей, когда оно совершается въ строгомъ порядкѣ и системѣ. Только въ такомъ случаѣ оно можетъ проявляться какъ голосъ всей церкви, а не отдѣльныхъ крикуновъ. А вѣдь если выборное начало будетъ разсматриваться только какъ голосъ отдѣльныхъ лицъ, то оно въ концѣ концовъ сведется къ лозунгу: кого хочу, того и выбираю, независимо отъ правомочности избираемаго, и къ полному забвенію словъ апостола, обращенныхъ къ епископу: *руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже приобщайся чужимъ грѣхомъ* (Тим. V, 22). А здѣсь, при такомъ взглядѣ на священство мы очень подходимъ къ какому то своеобразному воззрѣнію на него. Сказать: протестантскому, —будетъ оскорбительно для протестантовъ.

Не знаемъ на чей взглядъ, а по нашему, къ чисто сектантскому. Такъ иногда и доброе намѣреніе, заботы о пользѣ церкви могутъ привести къ явному вреду для нея. А соблазнъ дѣйствительно большой, и намъ пастырямъ въ настоящее смутное время нужно особенно опасаться, какимъ либо неумѣлымъ шагомъ не создать условій, благопріятствующихъ разрухѣ церковной жизни и развитію оектантства. Станнымъ является и толкованіе духовенствомъ выборнаго начала: говорятъ о немедленномъ переизбраніи епископовъ и ни слова о такомъ же актѣ по отношенію къ самимъ себѣ. Невольно является вопросъ: что это духовенство говорить сознательно или безсознательно? Если безсознательно, то страннымъ кажется, какъ эта безсознательность охватила сразу всю Россію. Какъ бы это не было печально, но хочется вѣрить, что этотъ поступокъ духовенства дѣйствительно безсознательный, и мы своими словами сами не знаемъ, что творимъ. Въ такомъ случаѣ всѣ эти нападки на епископовъ объясняются стремленіемъ насъ, пастырей, заявить о своей прогрессивности такими же пріемами, какъ это дѣлается въ свѣтскихъ газетахъ. Эту тактику свѣтской печати по отношенію къ духовенству мы хорошо знаемъ. Знаемъ, какъ она возмутительна, несправедлива и обидна. Почему же теперь мы сами начинаемъ усваивать эту же тактику? Почему ею никто не возмущается? Сознателенъ или безсознателенъ этотъ нашъ поступокъ, одно явно: мы сами вносимъ полный разладъ во всѣ сферы церковной жизни, сами разжигаемъ церковные, соблазны, своими выкриками по адресу епископовъ, дружно подхватываемыми свѣтской печатью, не ихъ авторитетъ роняемъ, а такъ же, какъ

и своими непонятными въ нашихъ устахъ рѣчами объ отдѣленіи церкви отъ государства, о закрытіи монастырей, о снятіи священническихъ крестовъ, о необходимости сейчасъ же перемѣнить свой духовный костюмъ, и т. д. и т. д.—мы подрубаемъ послѣдніе и очень тонкіе сучья, на которыхъ сами сидимъ... *О, если бы ты зналъ, что служитъ къ миру твоему (Лук, 19, 42)!*

Самъ собою напрашивается и другой вопросъ: неужели духовенство, призванное осуществлять въ жизни великіе и святыя завѣты Христа о мирѣ и любви, пользуется нашимъ смутнымъ временемъ, какъ очень удобнымъ для сведенія личныхъ счетовъ, для метительности за прошлое? Въ наше тревожное время намъ нужно было-бы особенно и помнить и воплощать въ своей жизни эти столь чуждыя въ нынѣшніе дни святыя небесныя начала. Кто другой, какъ не мы, въ это тяжелое время должны бы показать вѣчность и жизненность этихъ началъ и показать ихъ именно въ это время. Кому другому, а не духовенству забывать, что раздоры между нами—преступленіе, тотъ тяжкій грѣхъ соблазна, о которомъ Спаситель говорить: иже соблазнить единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонѣтъ въ пучинѣ морской (Мѡ. 18, 6). Знаменательно, что эти слова были сказаны прежде всего апостоламъ послѣ спора о томъ, кто изъ нихъ больше въ Царствѣ Небесномъ (18, 1).

Священнослужитель.

Слѣдуетъ ли духовенству участвовать въ политическихъ партіяхъ?

Представитель Временнаго Правительства въ Синодѣ оберъ-прокуроръ его Львовъ заявилъ, что *свобода церкви*—это тотъ, краеугольный камень, безъ котораго работа изстрадавшейся православной русской церкви не можетъ быть поставлена въ нормальныя условія. Дружелюбное отношеніе государства къ церкви, *невмѣшательство церкви въ политическій строй, невмѣшательство государства въ церковный строй жизни*,—вотъ тотъ основной принципъ, который положень, новымъ оберъ-прокуроромъ въ основу работы.

Это заявленіе должно было прозвучать для пастырей православной русской церкви, какъ радостное „нынѣ отпускаеши“. Прошло намъ жалѣть не приходится, потому что тамъ—своего рода „плѣнъ вавилонскій“ нашего православно-русскаго пастырства. Наши просвѣтители византійцы вмѣстѣ съ спасительнымъ евангеліемъ передали нашей церковной іерархіи пагубный завѣтъ—искать опоры евангелію, которое должно побѣждать своей внутренней силой, во внѣшней силѣ государственной власти. Исторія показала, что государственная власть была менѣе опасна для евангелія въ качествѣ его открытаго противника (вѣка гоненій), чѣмъ потомъ—въ качествѣ ложнаго союзника и опекуна. Первому христіанскому императору, св. Константину Вел., присвоено было „званіе епископа внѣшнихъ дѣлъ церкви“, очевидно, въ противовѣсъ тому, какъ для язычниковъ императоръ римскій былъ „верховнымъ жрецомъ“. Но если Константинъ, дѣйствительно, еще не вмѣшивался во внутренній строй церкви, то послѣдующіе императоры дошли до того, что не только стали избирать и низлагать епископовъ по своему усмотрѣнію, но захватили право руководить рѣшеніями соборовъ или даже рѣшать спорные догматическіе вопросы своими „вѣроисповѣданными“ указами. Императоръ Констанцій однажды на замѣчаніе трехъ православныхъ епископовъ, защитниковъ Аѳанасія александр., чтобы онъ не смѣшивалъ церковныхъ каноновъ съ императорскими опредѣленіями, воскликнулъ: „каноновъ? чего я хочу, то и есть канонъ“. Худо направленный цезаризмъ зашелъ уже, оче-

видно, такъ далеко, что императоръ практически могъ говорить: „церковь—это я“. (Фарраръ). За епископами христіанской церкви государственная власть сначала признавала право нравственного контроля. Епископы могли наблюдать за правителями областей, за правильностью гражданскаго судопроизводства, могли пользоваться властью отлучать отъ церкви даже самихъ императоровъ. Но если Θεодосій Вел. смирился передъ пастырскимъ авторитетомъ Амвросія медиоланскаго и понесъ восьмимѣсячное отлученіе, то св. Іоаннъ Златоустъ уже терпитъ гоненіе и умираетъ въ изгнаніи по волѣ озлобленной противъ него жены импер. Аркадія, Евдоксіи, и позднѣе, въ IX в., констант. патріархъ Игнатій за отлученіе безнравственнаго регента имперіи Варды былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь. Въ тотъ періодъ, когда констант. церковь сдѣлалась крестной матерью церкви русской и присылала для послѣдней митрополитовъ и епископовъ, сами констант. патріархи были уже въ полной зависимости отъ императоровъ и назначеніемъ ихъ считалось—поддерживать своимъ духовнымъ авторитетомъ императоровъ и быть ихъ послушнымъ орудіемъ. Дошло до того, что импер. Исаакъ Ангель (1185—1204 г.), употреблявшій за собственнымъ столомъ взятыя изъ церковей свящ. сосуды и дѣлавшій для себя ожерелья и цѣпи изъ снятыхъ съ крестовъ и евангелій украшеній, говорилъ, что *царямъ позволительно все дѣлать* и что между Богомъ и императоромъ въ управленіи земными дѣлами отнюдь нѣтъ несоединимаго разстоянія. Такъ „помазанникъ Божій“ сталъ своего рода „кумиромъ“ для церковной іерархіи, которому она вынуждена была служить, обратившись отъ завѣтовъ христа (Мрк. X, 42—45) къ церковно-политическимъ ветхозавѣтнымъ идеаламъ царя Давида.

Естественно, что греческая іерархія принесла и къ намъ византійскую закваску *цезаропанизма*. Въмѣсто того, чтобы быть у насъ только апостолами христіанства, эти іерархій пожелали привить намъ и византійскую государственность и цивилизацію. Въмѣстѣ съ Библіей и церковными канонами, какъ дополненіе къ нимъ, они передали намъ и законодательные сборники византійскихъ императоровъ. Характеръ византійскаго законодательства весьма разнился отъ древне-русскаго. Тогда какъ Русская Правда примѣняла систему штрафовъ, византійское законодательство

основанное преимущественно на системѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, весьма любить членовредительство, иногда присоединяя и церковное наказаніе въ объемѣ, трудно выполнимомъ для истиннаго христіанина. Весьма характеренъ тотъ фактъ, что когда св. кн. Владиміръ, во имя евангельской любви и милосердія, не хотѣлъ болѣе казнить злодѣевъ, то его увѣщевали къ этому корсунскіе духовные, находившіеся при немъ въ Кіевѣ. И какъ часто потомъ въ исторіи нашей церкви сердца мирянъ оказывались святѣ, чѣмъ умы архіереевъ священниковъ; По поводу звѣрскаго ослѣпленія кн. Василька Владиміръ Мономахъ ужаснулся и говорилъ: „этого не бывало ни при дѣдахъ, ни при пра-дѣдахъ нашихъ“. А историкъ Костомаровъ на это замѣчаетъ: „дѣйствительно, не бывало; этотъ родъ злодѣянія принесла въ варварскую Русь греческая образованность“. Епископа ростовскаго Θεодора (XII в.) судъ митрополита съ соборомъ епископовъ приговорилъ къ смертной казни: ему сначала отрѣзали языкъ, правую руку, выкололи глаза, наконецъ отсѣкли голову.

Русская іерархія, по преемству отъ византійской, была обольщена тѣмъ же соблазномъ: служа христіанскому кесарю, она думала, что тѣмъ самымъ служить Богу. Даже о патр. Никонѣ, который такъ высоко поднималъ авторитетъ духовной власти, духовенство говорило: „онъ принялъ власть строить, вмѣсто евангелія, бердыши, вмѣсто креста—топорки на помощь государю, на бранныя потребности“. Со времени же Петра Вел наши архипастыри стали совсѣмъ уже только „послушливыми пастушками“ свѣтской власти. Стефанъ Яворскій въ письмѣ къ Петру подписывался: „вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій“. Такъ правосл. митрополитъ, мѣстоблюститель патріаршаго престола, унижался передъ самодержцемъ, который въ поруганіе надъ церковной іерархіей, создалъ и всю свою жизнь поддерживалъ кощунственный „всешутѣйшій, всепьянѣйшій и сумасброднѣйшій соборъ“, и ѣздилъ кощунственно „славить Христа“ съ ящикомъ для штофовъ водки, сдѣланнымъ въ видѣ евангелія, и съ крестомъ, сдѣланнымъ изъ чубуковъ! Церковная іерархія пошла на услуженіе государственной власти до поправанія не только церковныхъ канонівъ, но даже таинства покаянія, когда было вмѣнено въ обязанность всѣмъ духовнымъ отцамъ доносить о тѣхъ лицахъ,

которыя на исповѣди сознаются, что они имѣли злой умыселъ противъ государя. Когда воля кесаря христіанскаго нуждалась въ поддержкѣ Слова Божія, но не могла найти его въ ученіи Христа, то наши хитроумные іерархи легко забывали, что они—служители Христа и Его новаго завѣта, и обращались къ дохристіанскимъ, ветхозавѣтнымъ идеаламъ. Такъ, когда Петръ хотѣлъ казнить сына своего Алексѣя, то духовенство указало ему, что онъ можетъ дѣйствовать или по ветхому, или по новому завѣту: по ветхому—казнить, по новому—простить. Петръ предпочелъ, съ благословенія „отцовъ“, остаться ветхозавѣтнымъ человѣкомъ.

Тѣсная связь съ государственной властью, такъ сказать, застила глаза нашей правящей іерархіи и мѣшала ей уже видѣть правильно евангельскую правду. Произошло смѣшеніе Божьяго и царскаго, церковнаго и казеннаго притомъ не въ пользу Божьяго и церковнаго. На нашей правящей іерархіи своеобразно исполнились слова Христовы: „другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь“. А печальнымъ внѣшнимъ знакомъ такого плѣненія іерархіи явились звѣзды и ордена рядомъ съ крестомъ на груди нашихъ духовныхъ „кавалеровъ“. Наша іерархія не видѣла ничего противнаго евангелію не только въ рабовладѣльчествѣ помѣщиковъ, но даже въ рабовладѣльчествѣ монаховъ, отрекшихся отъ міра, и когда Петръ III освободилъ крестьянъ церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, притомъ съ уплатой за нихъ, то эта мѣра сильно вооружила противъ него іерарховъ и монаховъ и безгласная въ другихъ случаяхъ іерархія выдвинула Димитрія Сѣчнова, архіеп. новгородскаго, съ протестомъ противъ новаго закона. Тотъ же архіепископъ принялъ потомъ даже участіе въ низверженіи Петра III-го его благовѣрной и, конечно, благочестивѣйшей супругой. Правящая іерархія не задумалась превратить монастыри въ тюрьмы, притомъ самыя ужасныя, а отцовъ игуменовъ и архимандритовъ—въ самыхъ безжалостныхъ тюремщиковъ. По приказу Петра I-го духовенство разыскивало, при помощи полиціи, и ловило раскольниковъ, но для чего?—только для того, чтобы заставить ихъ уплатить двойную подать въ казну, послѣ чего ихъ оставляли въ покоѣ. Такъ пастырь церкви долженъ былъ выступать рядомъ

съ фискалами, сыщиками и дозорщиками, а въ послѣдующее время—съ жандармеріей и охранкой.

У правящей іерархіи не находилось словъ правды ни противъ чего „царскаго“ и „казеннаго“. На все, имѣвшее такой ярлыкъ, она призывала Божіе благословеніе, хотя бы то былъ просто казенный кабакъ. Она всегда имѣла много говорить бѣднымъ и обездоленнымъ о терпѣніи, но не хватало у нея словъ обличенія, или хотя бы увѣщанія для сильныхъ обидчиковъ, для богатыхъ грабителей. Возьмемъ для примѣра текущую войну съ безпримѣрнымъ мародерствомъ въ тылу и съ великимъ молчаніемъ по этому поводу правящей церковной іерархіи. Іерархи наши изощрали свой просвѣщенный умъ въ одну сторону,—чтобы оправдать существующее неравенство, и одинъ изъ нихъ, наприм., однажды сказалъ, что бѣдные рядомъ съ богатыми *нужны для жизненнаго пейзажа*, какъ красные и синіе, цвѣты на лугу.

Что могли дѣлать рядовые пастыри?—Конечно, безусловно исполнять то, чего требовала отъ нихъ высшая церковная власть. Если для о. о. портныхъ, шившихъ кафтанъ или рясу всероссийскому синоду и присягой обязавшихъ священника нарушать тайну исповѣди въ пользу государственной власти, присяга, очевидно, очень мало стоила, то, вѣдь, для священника она была уже святой обязанностью. Если въ православный катихизисъ церковная власть могла вносить поправки по требованію синодальнаго оберъ-прокурора, то, вѣдь, для священника онъ предлагался какъ книга символическая, какъ обязательное, непогрѣшительное во всѣхъ частностяхъ руководство для наставленій въ храмъ и въ школѣ, и священники „добросовѣстно“ насилывали совѣсть свою и своихъ „благочестивыхъ“ слушателей, защищая, напр., безгрѣшность смертной казни и богоугодность присяги, хотябы даже и такой, какую они сами приняли относительно шпіонажа при исповѣди и которую, конечно, не исполняли.

Низшее духовенство видѣло, что весь служебникъ заполненъ именами „благочестивѣйшихъ“ и „благовѣрныхъ“ особъ царскаго дома (прежде на эктеніяхъ, поминали всѣхъ членовъ царскаго дома), и должно было само вѣрить и другихъ убѣждать въ благочестіи и истинномъ православіи всѣхъ этихъ особъ, хотя бы среди нихъ были и такія, какъ публично коншунство-

вавший Петръ Алексѣевичъ. Духовенство видѣло, что титулы и имена этихъ особъ напечатаны въ богослужебныхъ книгахъ вдвое — втрое крупнѣе нежели имена Божіи. Должно же оно было понимать, что это не типографская ошибка. Оно хорошо по опыту знало, что если въ большой церковный праздникъ почему-либо не будетъ отслужена обѣдня, то это ему сойдетъ легко; но если не будетъ отслуженъ молебенъ въ царскій день, то его могутъ наказать весьма жестоко. (Кіевскій митрополитъ Вонатовичъ пробылъ за это въ заточеніи все царствованіе Анны Ивановны). Если въ наше время духовенство, и не только низшее, не знало, какъ ему вести себя по отношенію къ такъ наз. „монополькѣ“ и съ исторически выработанной изворотливостью старалось примирить борьбу съ пьянствомъ и если несодѣйствіе, то хотя бы непрепятствованіе преумноженію казеннаго дохода отъ монополюшки,—такъ что же удивительнаго, если сельскій попъ временъ старыхъ казенныхъ кабаковъ считалъ позволительнымъ для себя требовать отъ прихожанъ приноса водки при крестинахъ, при свадьбахъ и при другихъ случаяхъ, умножая тѣмъ доходы казны? Казенное и царское — не грѣшно. Не даромъ извѣстный Юрій Крижаничъ въ XVII в. писалъ: „нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ такого мерзкаго, отвратительнаго, страшнаго пьянства, какъ на Руси; а всему причина — кабаки. Нигдѣ нельзя выпить пива или вина, какъ только въ царскомъ кабацѣ. Какъ придется имъ выпить, то они бросаются безъ стыда, какъ бѣшеные, *думаютъ, что исполняютъ Божью и царскую заповѣдь*“.

Вполнѣ понятно послѣ этого, что авторитетъ іерархіи все болѣе и болѣе падалъ. Герценъ называлъ наше русское православіе „азиатской церковью, всегда колѣнопреклоненной передъ свѣтской властью“. Бѣлинскій писалъ о ней: „православная церковь всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма“. По выраженію Достоевскаго, русская церковь съ Петра 1-го находится „въ параличѣ“. Д. Мережковскій недавно, по случаю пасхи, сравнивалъ нашу русскую церковь съ пустымъ гробомъ, въ которомъ не оказалось Христа, и говоря о похоронахъ въ Петроградѣ жертвъ революціи (23 марта 1917 г.) безъ участія духовенства, онъ писалъ: „не отъ Христа отреклась революція, а отъ тѣхъ, кто самъ отъ него отрекается; не Христу измѣнила, а тѣмъ, кто самъ ему измѣняетъ. Именемъ Христовымъ благо-

слова бы церковь убитых за революцію точно такъ же, какъ благословляла убивающихъ, проводила бы павшихъ за свободу въ могилу братскую точно такъ же, какъ провожала ихъ на висѣлицу“. У насъ пользовались и еще пользуются уваженіемъ отдѣльные пастыри, но официальная церковная власть, и прежде всего синодъ, потеряла всякій кредитъ даже у вѣрующаго общества.

За какую же чечевичную похлебку духовенство продало свое первородство? что получило оно въ награду за свою вѣрную службу кесарю до забвенія даже службы Богу? Чѣмъ вознаграждали его за то, что постоянно вынуждали идти на сдѣлку со своей человѣческой и пастырской совѣстью,—что довели его до того, что служители свѣбоды во Христѣ Іисусѣ сознательное общество стало ставить рядомъ съ жандармами и охранниками, стало сторониться, какъ „во Христѣ жандармствующихъ“?

—Наградой за всѣ это было величайшее униженіе и ужасная нищета. При Петрѣ 1-мъ было узаконено—дворянамъ, не получившимъ отъ родителей недвижимаго имѣнія, *не ставить въ безчестіе* занятіе какимъ-либо ремесломъ, торговлею, или... *вступленіе въ духовное званіе*. Значить, дошло до того, что духовное званіе для дворянина считалось безчестіемъ! Во время крѣпостного права помѣщикъ могъ обращаться съ попомъ, какъ съ своимъ крѣпостнымъ: билъ его, рвалъ ему бороду, издѣвался не только надъ нимъ, но и надъ его служеніемъ. Окроплялъ, напр., священникъ въ Егорьевъ день скотъ помѣщика святой водой передъ выгономъ въ поле, а помѣщикъ заставлялъ его окропить также и барскихъ псовъ. Въ случаѣ же ослушанія, попа безъ церемоніи сѣкли на конюшнѣ. Сѣкъ попа помѣщикъ, сѣкла его и „духовная“ консисторія. Провинившагося попа доставляли въ консисторію въ кандалахъ, и бросали въ ужасную колодничью избу, гдѣ сажали его на цѣпь, или въ колоду. Допросъ его сопровождался битьемъ палками и плетью. Бывало, что за домашнюю ссору стегали сначала попа, а потомъ и попадю. И это—въ присутствіи членовъ консисторіи, часто монашествующихъ—о. о. игуменовъ и архимандритовъ! Присутствовали на позорищѣ семь также и канцелярскіе служители консисторіи. Такъ унижалось человѣческое достоинство въ тѣхъ, кто по служенію своему призваны воскресить человѣка въ человѣкѣ!

Смѣшно читать или слушать рассказы о томъ, какъ духовенство побиралось, да еще и теперь по мѣстамъ продолжаетъ побираться, собирая отъ своихъ прихожанъ обезпеченіе для себя съ семействомъ натурою: хлѣбомъ, яйцами, сметаною, мясомъ и проч. Но отъ этого смѣшного плакать хочется, и не за духовенство только плакать, но и за русскій православный народъ, потому что совершенно справедливо сказано: „положеніе духовенства есть вывѣска страны“. Такъ слово Писанія, что „служащій алтарю отъ алтаря и да питается“, обращено было къ тому, чтобы поставить духовнаго пастыря на положеніе нищаго, побирашки.

Въ результатѣ дѣло пастырства было приведено въ крайній упадокъ. Забитый и забытый православный русскій пастырь очень часто низводилъ великое пастырское служеніе на степень самага обычнаго ремесла, которое онъ исполнялъ, по выраженію св. Димитрія Рост., „не для Господа Іисуса, а для хлѣба куса“, и только потому, что двери на выходъ изъ духовнаго сословія накрѣпко закрывались, снятіе же съ себя духовнаго сана каралось черезъ гражданскую власть чуть ли не лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Крайній упадокъ пастырства привелъ и къ тому, что сама православная паства какъ будто утратила правильный взглядъ на пастыря и на важность его служенія. Не только у простыхъ, но даже и у образованныхъ мірянъ сплошь—и—рядомъ встрѣчается или непониманіе значенія пастырскаго служенія, или полное къ нему равнодушіе, такъ что для нихъ безразлично, врачъ ли духовный у нихъ, или только духовный фельдшеръ. Напримѣръ, когда одному видному помѣщику,—и это было недавно,—указали, что въ село, гдѣ его имѣніе, назначень священникомъ убоявшійся семинарской богословской мудрости и выбывшій изъ 3—4 класса семинаріи, то этотъ интеллигентъ отвѣтилъ: „а мнѣ что ни попъ, то батька“. Или есть еще рассказъ такой, что прихожане вновь открытаго прихода, собравшись, очень много толковали о томъ, откуда бы имъ достать хорошаго, „голосистаго“ діакона. Но, вотъ, кто-то замѣтилъ, что имъ, вѣдь, нужно подумать также и о священникѣ. На это изъ толпы послѣдовалъ отвѣтъ: „попа—то мы и въ полѣнницѣ найдемъ“ (намекая, очевидно, на игру „въ попа“).

Въ настоящій великій моментъ русской исторіи пусть пра-

вославная русская іерархія оглянется на пройденный ею историческій путь. Еще византійской іерархіей незаконно просватанная за государственную власть и жившая много вѣковъ въ этой незаконной связи и честь свою потеряла и капитала не приобрѣла, т. е. измѣной своему „духовному“ служенію не заслужила даже сноснаго матеріальнаго и общественнаго положенія. Долгій, многовѣковой, столь гибельный для дѣла церкви Христовой опытъ политиканства русской іерархіи долженъ, наконецъ, указать ей ея настоящее мѣсто и дѣло. Пора православному пастырству понять, что политическая жизнь и связанная съ ней партійность — это та область, которой оно должно быть чуждо. Пастырское дѣло, дѣло насажденія на землѣ „царства Божія“ не должно опираться на внѣшнюю силу политическихъ партій, или правительственной власти. Пастырямъ нужна внутренняя сила, подъемъ христіанской вѣры и жизни, Чтобы бороться со тьмой, православная церковь должна разгорѣться внутреннимъ огнемъ и свѣтомъ. Партійность разъединяетъ, а пастырю нужно объединять свою паству во Христѣ Іисусѣ. Для пастыря необходимо быть одинаково близкимъ вѣрующему монархисту, какъ и вѣрующему республиканцу или социалисту. Долгое пребываніе нашей іерархіи на услуженіи у правительства и, вслѣдствіе этого, частое стояніе ея не за правду Божію, а за правду человѣческую повело къ тому, что пастыри въ значительной степени растеряли свою паству и овцы православнаго стада разбрелись въ разныя стороны. И то униженіе, въ которомъ находилось и находится у насъ духовенство, явилось достойнымъ возмездіемъ ему за измѣну его своему „духовному“ служенію, за измѣну царству Божію ради царства человѣческаго.. Развѣ не должно горѣть краской великаго стыда лицо русской іерархіи, что смертная казнь, столь противная ученію евангельскому, въ представителяхъ іерархіи всегда, начиная отъ корсунскихъ духовныхъ совѣтниковъ князя Владимира, находила своихъ вольныхъ, или невольныхъ защитниковъ и сейчасъ отмѣнена у насъ Временнымъ Правительствомъ безъ участія въ этомъ дѣлѣ официальныхъ представителей церкви? И такимъ образомъ опять сердца мірянъ оказались святѣе извращенныхъ казуистикой умовъ духовной іерархіи. Развѣ не обидно, что социализмъ, выставившій на своемъ знамени защиту меньшей братіи, обездоленныхъ, является врагомъ не только оф

фициальной церкви, но и самой вѣры, обвиняя представителей церкви въ томъ, что они всегда шли за одно съ сильными и богатыми? Могло ли это быть, еслибы служители евангелія оставались вѣрны ему? Могъ ли бы социализмъ, напр., что-либо сказать противъ проповѣди и дѣятельности св. Іоанна Златоуста, или св. Василія Великаго? Довольно политики для пастырей церкви; пора имъ перестать заниматься не тѣмъ, къ чему они призваны. Довольно имъ блуждать вдали отъ своего прямого пастырскаго дѣла, пора притти въ себя и возвратиться домой,—изъ передней начальства, изъ разныхъ политическихъ „союзовъ“ и „салонныхъ“ возвратиться къ забытой и растерянной паствѣ, къ вѣрующему народу. Пастырямъ надо желать, чтобы при новомъ государственномъ строѣ въ Россіи они не вовлекались въ политическую жизнь страны. Надо громко заявить желаніе, чтобы іерархію (епископовъ, священниковъ и діаконовъ) освободили отъ обязанности принимать участіе въ выборахъ въ Учредительное Собраніе, а затѣмъ—въ парламентъ, и чтобы ей запрещена была всякая политическая агитація. Запретить іерархіи участіе въ политической жизни страны вовсе не значитъ—оторвать ея служеніе отъ жизни. Пусть іерархія въ свободной странѣ свободно благовѣствуетъ „евангеліе царствія Божія“ и ея служеніе будетъ такъ же жизненно, какъ жизненно само евангеліе.

Прот. Д. Ширяевъ.

О настроеніяхъ дня.

Въ № 1 сатирическаго журнала „Барабанъ“ мы читаемъ слѣдующія строки изъ романа В. Гюго „93-й годъ“, примѣненные къ нашей революціи.

„Революція уничтожаетъ королевскую власть въ лицѣ монарха, аристократію въ лицѣ дворянина, деспотизмъ въ лицѣ полиціи, предразсудки въ лицѣ священника“..

Вообще, роль духовенства въ прошломъ представляется многимъ въ самыхъ неприглядныхъ краскахъ. Касаясь церковнаго управленія, „Биржевыя Вѣдомости“ такъ отзываются о верхнихъ слояхъ нашего духовенства:

„Въ свободномъ государствѣ церковь должна быть свободна, но свобода церкви не въ томъ, чтобы она была отдана рабамъ лукавымъ, наперстникамъ разврата, прислужникамъ самовластиа и предателямъ.

„Подъ синодскимъ игомъ, подъ чернымъ ярмомъ стонетъ все русское священство. Прежде всего храмъ долженъ быть освобожденъ отъ торгующихъ въ немъ раболѣпныхъ царедворцевъ, отъ святотатцевъ, оскверняющихъ имя Христово, отъ людей, кощунственно издѣвавшихся надъ святынями терноваго вѣнца, отъ тѣхъ, которые всегда готовы были благословить и лобызать окровавленную руку палача и чей голосъ никогда не поднимался въ защиту невинной жертвы“.

Если приведенная выдержка изъ газеты говоритъ только о духовенствѣ, не борвшемся противъ правительства, то уже теперь раздаются голоса, отрицающіе самое назначеніе духовенства, глумящіеся надъ таинствами христіанскими. Яркимъ представителемъ такого направленія можетъ служить журналъ „Бичъ“, помѣстившій въ 13 (3) такое стихотвореніе:

ПАСХАЛЬНОЙ НОЧЬЮ.

Круглый годъ распиная Христа
И глумясь надъ святыней безмѣрно,
Этой ночью они лицемѣрно
Торжествуютъ побѣду креста.
И, лукаво открывши уста,
Возглашаютъ, для свѣдѣнья люда
О свершенъи великаго чуда—
Воскресеньи изъ мертвыхъ Христа.
Но бѣгу нечестивыхъ ихъ мессъ—
Нѣту Бога въ лукавомъ ихъ храмѣ,
Пусть Распятый Пилатомъ воскресъ—
Онъ вторично распятъ былъ попами.

При такомъ настроеніи нашей интеллигенціи вполнѣ правдивымъ является помѣшеніе Іисуса Христа за тюремную рѣшетку, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ юмористическихъ журналовъ.

Учитывая враждебное настроеніе со стороны нѣкоторой части русскаго общества, наши пастыри, къ счастью весьма немногіе, стараются поддѣлаться подъ господствующее настроеніе и заявить себя самыми непримиримыми врагами старины, готовыми на сколь угодно радикальныя реформы. Нѣкоторые священники заявляютъ властямъ придерживающимъ, что хотя они и не принимали активнаго участія въ освободительномъ движеніи, зато ни одно сословіе не дало такого числа борцовъ за свободу, какъ духовенство. Петроградское духовенство просило Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ позволить ему принять участіе въ похоронахъ революціонеровъ, но Совѣтъ отклонилъ это предложеніе.

Низвергнувъ старое, надо приниматься за созиданіе новаго. А это новое въ дѣлѣ церковномъ сводится къ созиданію Свободной Церкви. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удается въ точности выяснить, что надо разумѣть подъ свободной церковью. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, заявилъ, что отнынѣ церковь свободна. Какая это свобода, если до сего времени вызовъ членовъ Синода происходитъ по предписанію оберъ-прокурора, а не инымъ способомъ. Какая можетъ быть свобода, когда черниговскій епископъ Василій находился подъ стражей, взятый безъ суда и слѣдствія? А недавній случай съ еп. Θεодоромъ, архим. Кронидомъ возвращаетъ насъ къ мрачнымъ временамъ.

Впрочемъ, какъ оказывается, свободная церковь можетъ быть понимаема не какъ освобожденіе отъ власти свѣтской, а какъ приспособленіе къ новымъ вѣяніямъ. По словамъ новой газеты „Свободная Церковь“, „группой духовенства Государственной Думы разрабатывается проэктъ объ уничтоженіи различныхъ пережитковъ въ его быту. Въ первую очередь для духовенства намѣчается введеніе обычной одежды, которую и раньше носили заграничные священники. Подняты также вопросы о подстриганіи волосъ и бороды, о разрѣшеніи священникамъ вступать во второй бракъ равно и о предоставленіи бѣлому духовенству и мірянамъ права выбирать епископовъ не только изъ лицъ монашествующихъ, но и изъ состоящихъ въ бракѣ“.

Вотъ чѣмъ занято передовое наше духовенство. Въ той же газетѣ „Свободная Церковь“, издаваемой священникомъ М. В. Галкинымъ, мы находимъ высокопарныя строки о томъ, что Россія призвана осуществить всемірное братство народовъ, въ которомъ „люди поймутъ, что различныя религіи есть только секты одной религіи, данной міру самимъ Богомъ, что одна основа и у христіанства, и у іудейства, и у буддизма—у всѣхъ одна—и не будетъ вопроса, какимъ обрядомъ мы будемъ прославлять и какъ называть „Единое—Три“. Священнослужители всѣхъ религій подадутъ другъ другу руки и общими силами поведутъ народы къ „Первоисточнику“, и наступитъ „единеніе святыхъ Божіихъ церквей и соединеніе всѣхъ“...

Не сомнѣваемся, что такая примирительная политика богослововъ изъ „Свободной Церкви“ можетъ снять съ очереди много сложныхъ вопросовъ, поднятыхъ новыми условіями жизни, но какимъ образомъ наша церковь, соединившись съ буддійскою останется Христовой, Апостольскою—этого социаль-богословы не объясняютъ, И не припомнятъ ли это богословы (если, конечно, они читали что-нибудь по исторіи религій) историческихъ примѣровъ добровольнаго сліянія разнородныхъ религій въ одну, всепоглощающую? Не припомнятъ ли они; что механическій синкретизмъ римской имперіи привелъ страну не къ почитанію всѣхъ боговъ, а къ отрицанію ихъ? Крайности сходятся, и сквозь пантеизмъ свящ. Галкина проглядываетъ самый настоящій атеизмъ.

Будемъ же съ нетерпѣніемъ ожидать Церковнаго Собора, который положитъ конецъ царящему сумбуру и дастъ авторитетное указаніе, какъ надо устроить церковную жизнь. А пока духовенству надо тѣснѣе сплотится вокругъ Креста, для защиты Церкви, для отстаиванія своихъ интересовъ.

По поводу рѣчи свящ. Елашенцева.

(Г о л о с ъ м і р я н и н а).

Недавно въ газетахъ было сообщено о томъ, что свящ. Елашенцевъ, командированный въ армію, въ Минскѣ, въ горячей рѣчи призывалъ гражданъ взять изъ храмовъ священные сосуды, кресты, оклады Евангелій, оклады съ гробницъ чтимыхъ святыхъ, драгоценные предметы изъ патриаршей ризницы и ризницъ храмовъ и монастырей и превратить ихъ въ деньги, для укрѣпленія свободы и завершения войны.

Читая эти строки, изумляешься, неужели это сказала священникъ, русскій! Къ какой же партіи принадлежитъ онъ? Конечно, не національной русской и, скажемъ, — не славянской, ибо священникъ, какъ лицо духовное, несомнѣнно долженъ знать и понимать душу народную, душу славянскую. Знать и понимать, насколько дорога не только русскому народу, но и вообще славянамъ ихъ религіозное чувство. Насколько должно быть дорого русскому его прошлое, его святыни, его обычаи, вѣрованія, исторія, вся въ чемъ заключается его самобытность, его индивидуальность, его національность. Пусть это прошлое было горько, тяжело, но оно нераздѣльно съ исторіей родины, Россіи, и потому должна быть ему дорого и по сердцу. Памятники его должны быть неприкосновенны, если мы не хотимъ потерять нашу національность, наше право называться „русскими“.

Употребить наши національно священные памятники на закрѣпленіе нашей свободы. Но какъ? Какъ цѣнность металла, предметы эти не представляютъ великой суммы, но они громадной цѣнности въ томъ видѣ, въ какомъ они есть, — своей святыней, своимъ историческимъ и художественнымъ значеніемъ, и потому свящ. Елашенцевъ, вѣроятно, полагаетъ утилизировать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ она есть, т. е. продать ихъ иностранцамъ и инновѣрцамъ, у которыхъ они могли бы служить украшеніемъ обстановки.

Нѣтъ, свободу укрѣплять надо не продажей святынь русскихъ, а здравымъ пониманіемъ задачъ государственности, патриотизмомъ, укрѣпленіемъ народнаго духа порядкомъ.

Свобода, купленная народомъ цѣною его національности,

т. е. когда за нее онъ заплатитъ своей самобытностью, полагаемъ, не будетъ его радовать.

Ослѣпительный блескъ словъ: „свобода“ и „равенство“ были поняты извѣстною частью гражданъ, какъ синонимы интернаціонализма, своеволия и безотвѣтственности, что, конечно, можетъ привести только къ разстройству государственнаго организма, къ паденію его нравственности, культуры и достатка, низведенія Россіи на степень второстепеннаго государства, обезличенія и униженія его самобытности.

Не будемъ вспоминать подробностей исторіи былыхъ народовъ, которые исчезли, потому что святыни души ихъ были уничтожены ихъ врагами, но можемъ указать, что, съ сохраненіемъ религіознаго духа народа, его народность сохраняется, на примѣръ у евреевъ. Что было бы, если бы народы балканскіе не хранили своихъ святынь, своихъ преданій, обычаевъ и исторіи? Подъ игомъ турокъ они бы слились съ магометанствомъ и не могли бы снова возродиться, какъ самостоятельные народы. Что, если бы Поляки не хранили своей національности, своей вѣры, своихъ святыхъ завѣтовъ старины, своей исторіи, могли ли бы они сохраниться, какъ самобытный народъ, имѣвшій силы бороться съ поработителями и мечтающій восстановить свое государство?

Уничтожить свою самобытность тогда, когда всѣ народы стремятся къ возрожденію своей самобытности, тогда, когда другіе народы требуютъ возстановленія своихъ государствъ или автономіи или возстановленія языка, права и вѣры отцовъ, у насъ, наоборотъ, проповѣдуютъ интернаціонализмъ и уничтоженіе русской души въ вѣрѣ народной и его святыняхъ.

„Куда ведетъ такой путь? чего достоинъ такой народъ? Отвѣтъ одинъ—рабства.

Нѣтъ, мы вѣримъ русскій народъ опомнится, стряхнетъ съ себя этотъ кошмаръ, сплотится вокругъ временнаго правительства, стоящаго на стражѣ русской народности, всѣхъ русскихъ гражданъ и русскаго государства. Тяжело думать, что такъ ясно взошедшее солнце свободы, затмится надолго грозною тучею, несущею въ себѣ униженіе и рабство народа. Нѣтъ! мы вѣримъ, что солнце свободы должно побѣдить.

И. Б.

Духовенство при революціи.

(Къ переживаемому моменту).

Государственный переворотъ произошел такъ неожиданно, что въ первый моментъ все населеніе Россіи оцѣпенѣло и растерялось. Общество знало о положеніи государственной политики очень мало, вслѣдствіе постоянныхъ цензурныхъ запрещеній. Въ него проникали отрывки столичныхъ новостей, слуховъ, сплетенъ, которые мѣшались съ истиной и принимались на вѣру. Но большинство обывателей считало современный государственный строй прочнымъ и незыблемымъ. Постоянная смѣна министровъ и ихъ ничтожество вызывали изумленіе въ каждомъ мыслящемъ чело-вѣкѣ, но масса населенія стояла совершенно вдали отъ государственныхъ интересовъ. Въ числѣ постороннихъ зрителей находилось и большинство духовенства. Оно ждало всегда и относительно всего распоряженій начальства и исполняло ихъ за страхъ и рѣдко за совѣсть.

Послѣднія событія развернулись съ такой быстротой, за какой ни одно учрежденіе угнаться не можетъ, и духовенство въ самую критическую минуту осталось безъ всякаго руководства. Но священникъ въ приходѣ пока еще сила. На него обращены взоры его прихода не только въ селѣ, а даже и въ губернскомъ городѣ. Священнику теряться нельзя: на немъ лежитъ долгъ оцѣнить происходящее и проявить въ этой оцѣнкѣ зрѣлость своего сужденія. Каждого изъ насъ не только могутъ спросить, но и спрашиваютъ: хорошо ли все то, что произошло въ недавніе дни? На это, думается, возможенъ такой отвѣтъ: хорошо ниспроверженіе зла и тьмы, но что будетъ дальше неизвѣстно. Ради надлежщей оцѣнки событій, прежде всего необходимо, сохранить бодрость духа. Казалось многимъ, что съ паденіемъ самодержавія должна рушиться опора Церкви. Но духовенство такая сила, съ которой должно считаться всякое правительство: пастырямъ Церкви принадлежитъ право и долгъ руководства своими пасомыми. Сила Руси всегда была въ православіи. Вѣра во Христа вылилась въ стремленіи къ интересамъ высшаго порядка и дала силу русскому народу свергнуть татарское иго по благословенію св. Сергія Радонежскаго, примѣромъ своей жизни показавшаго, что

Нѣчто лучшее есть въ свѣтѣ,
Чѣмъ наша радость и печаль...

Вѣра православная спасла отъ гибели Русь во время разрухи, когда всѣ бояре измалодушествовались, когда каждый изъ нихъ только и думалъ о своей корысти или о торжествѣ своей партіи. Тогда возстало крѣпкое вѣрой простанародье, получившее опору въ крѣпости патріарха Еρμοгена.

Не только исторія, но и современная наука говоритъ, что тотъ народъ силенъ, въ которомъ крѣпка вѣра въ Бога, и что на землѣ вѣрующіе живутъ дольше невѣрующіхъ. Если новое правительство будетъ заботиться о вѣрѣ въ Бога, то оно покажетъ заботу о народѣ, если же оно начнетъ притѣснять вѣрующіхъ, то въ немъ добра не будетъ, такъ какъ уничтоженіе вѣры въ Господа—дѣло антихристово.

Мы высоко цѣнимъ свое вѣроисповѣданіе, а иновѣрные также высоко цѣнятъ свои вѣрованія. Мы убѣждены, что наша вѣра истинная, но наше убѣжденіе не даетъ намъ никакого права задѣвать вѣру другихъ. Каждое вѣроисповѣданіе необходимо уважать, какъ уважали наше родное православіе татары. Обратитъ въ свое вѣрованіе мы можемъ cadaго только примѣромъ своей доброй жизни. Отсюда вытекаютъ, какъ слѣдствіе—вѣротерпимость и исполненіе заповѣдей Христовыхъ.

Путь миссіонерства наилучшій—доброе поведеніе. Видя его и иновѣрные могутъ заинтересоваться вопросомъ, какая сила даетъ возможность православнымъ быть лучше послѣдователей иныхъ вѣроисповѣданій? Всякая полемика, всякіе сухіе споры о вѣрѣ и о частностяхъ обряда въ богослуженіи порождаютъ лишь рознь, вражду и раздѣленіе. Теперь нужно объединеніе всѣхъ религіозныхъ людей противъ нападокъ атеизма, такъ какъ безбожіе ведетъ къ вырожденію и гибели цѣлыхъ народностей. А потому со стороны духовенства никакія выступленія противъ иновѣрцевъ недопустимы. Если иновѣрцы совращаютъ православныхъ, то успѣхъ совращенія зависитъ исключительно отъ степени привязанности пасомыхъ къ своему пастырю. Вѣра рождается не отъ убѣжденія, а отъ внушенія. Любимому вѣрятъ даже въ томъ случаѣ, если онъ говоритъ бессмыслицу и явную нелѣпость, а съ нелюбимымъ не соглашаются, хотя бы онъ обладалъ желѣзной логикой и неопровержимой доказательностью.

Любовь приобрести всего легче среди детей, при условии любви к нимъ. А потому, пока пастырь не отстраненъ отъ школы и отъ семьи, онъ можетъ дѣлать очень многое. Взрослые прихожане всегда снисходятъ къ слабостямъ священника, если только въ немъ замѣчаютъ доброту, искренность и доброжелательство. Въ прежнее время прихожане всего больше не терпѣли строгихъ ревнителей буквы закона и нисходили слабостямъ священноцерковнослужителей. При прежнемъ строѣ священникъ могъ себя чувствовать однимъ изъ чиновъ управленія, при новомъ—его власть можетъ быть только нравственной. Она труднѣе достигается, но крѣпче сохраняется. Вѣжливость, предупредительность, желаніе помочь каждому въ бѣдѣ влекутъ съ великой силой къ пастырю сердца вѣрующихъ.

Великое значеніе получаетъ и кротость. Терпѣливо выслушанное оскорбленіе, въ особенности несправедливое, всегда приводитъ къ самому сердечному раскаянію оскорбителя, и для священника перенесеніе обиды прямая находка. Могу сказать по своей школьной практикѣ, что каждый, дерзко отвѣтившій мнѣ ученикъ, всегда становился моимъ самымъ послушнымъ и предупредительнымъ слушателемъ. Между людьми пока еще мало такихъ, которые не раскаиваются послѣ нанесенной обиды своему ближнему. Ожесточенные и озлобленные люди встрѣчаются, но они поддержки въ окружающихъ не встрѣчаютъ. Большинство же чувствуетъ тягость стыда при прощеніи ихъ обиды. Св. Тихонъ Задонскій былъ оскорбленъ однимъ дворяниномъ, который въ порывѣ спора ударилъ святителя по щекѣ. Архіерей поклонился въ ноги обидчику-безбожнику, искренно прося прощеніе за доведеніе до такой забывчивости. И безбожникъ сдѣлался усерднымъ почитателемъ святого. Этотъ фактъ не единиченъ и психологически всегда оправдывается на дѣлѣ.

Въ настоящій моментъ общей расшатанности каждый вѣрующій, приходящій въ церковь на молитву или за священникомъ съ требой, кажется человѣкомъ милымъ, близкимъ и дорогимъ, какъ единомышленникъ, какъ почитатель той же святыни, которая священна и для пастыря церкви. Теперь, при полной свободѣ вѣроисповѣданія, посѣщеніе храма, говѣніе и соблюденіе обрядовъ православія представляется не повинностью, а

свободнымъ движеніемъ человѣческой души къ горнему міру, къ лучшему удѣлу.

Пока еще многихъ православныхъ смущаетъ вопросъ о присягѣ, данной императору. Но, во-первыхъ, самъ императоръ отказался отъ престола за себя и за своего наслѣдника, а во-вторыхъ, противъ совершившагося факта мы ничего подѣлать не можемъ. Если мы возстанемъ противъ новаго правительства, то тѣмъ самымъ вызовемъ огромное кровопролитіе внутри государства. Вѣдь ни у кого въ настоящее время нѣтъ на душѣ полной радости: всѣ радуются освобожденію отъ зла, но всѣ тревожатся за будущее. Такой тревоги не было при объявленіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Тогда всѣ радовались отъ всей души и искренно поздравляли другъ друга съ воскресеніемъ. Тамъ не было страха, тамъ было только свѣтлое радостное чувство, какое переживаемъ мы въ дни Пасхи, празднуя избавленіе отъ рабства грѣху и діаволу. Признаніе новаго правительства дѣло нашей совѣсти, и Богъ разсудитъ насъ въ этомъ дѣлѣ. Мы же обязаны сохранить спокойствіе, чтобы не вызвать междоусобія и кровавой борьбы. Поданные всегда наказываются за грѣхи своихъ правителей. Библия неоднократно говоритъ объ этомъ, какъ о несомнѣнной истинѣ. Но стремиться къ возврату прошлаго, значить брать на себя большой грѣхъ. Всякія рѣчи о возстановленіи самодержавнаго строя теперь неумѣстны и губительны.

Но и бранить прежнее царствованіе неприлично. Мы такъ недавно называли его хорошимъ, богоустановленнымъ, и потому всякимъ поношеніемъ его покажемъ свою неискренность и продажность. Царь ушелъ съ престола, а объ ушедшемъ говорить неудобно. Прошлаго мы вернуть не можемъ, и несравненно болѣе полезно для насъ позаботиться о своемъ будущемъ. Одному священнику трудно управлять теченіемъ настроеній, а потому полезно создать вокругъ себя организациі изъ единомышленниковъ, но эти учрежденія отнюдь не должны быть похожими на бывлые союзы царско-народниковъ, которые занимались сыскомъ и сдѣлались всѣмъ ненавистными.

Насъ прихожане спрашиваютъ, что же нужно сдѣлать дальше? И намъ, и имъ слѣдуетъ обдумать свои положенія о будущемъ устройствѣ нашего отечества. Уже говорится въ распоряженіяхъ правительства о созваніи Учредительнаго собранія. На

немъ и нужно будетъ выразить, какой формы правленія мы хотимъ. Ихъ дается на выборъ двѣ: конституціонная монархія, во главѣ съ ограниченнымъ во власти императоромъ и зависимыми отъ Государственной Думы министрами, и республика, съ выборнымъ на три или четыре года президентомъ.

При императорѣ споры разныхъ партій примиряются императоромъ же: онъ можетъ утвердить и не утвердить неправильное рѣшеніе; въ республикѣ Дума можетъ рѣшить все окончательно. Въ конституціонной монархіи править страной Дума съ императоромъ, при республикѣ нѣсколько формъ правленія, о которыхъ необходимо сказать въ особой статьѣ. Бѣда вся нынѣ пока въ томъ, что при собраніи голосовъ на выборахъ агитаторы и ораторы умалчиваютъ правду. Это они называютъ тактическимъ приемомъ. При объясненіи вопросовъ о выборахъ, о программахъ духовенство этихъ тактическихъ приемовъ никакъ не можетъ примѣнять, ибо въ нихъ есть ложь. Намъ же необходимо говорить одну правду. Кто больше обѣщаетъ, тотъ всегда меньше даетъ. Эту истину необходимо закрѣпить въ сознаніи прихода для оцѣнки рѣчей и обѣщаній вождей разныхъ партій. Агитаторъ поговорить и уѣдетъ, а священникъ останется въ приходѣ.

Теперь въ деревню наѣдутъ разные толкователи современнаго положенія и будутъ свободно говорить народу. Если священнику вѣрятъ и знаютъ, что онъ говоритъ по совѣсти, то его голосъ будетъ имѣть больше вѣса, чѣмъ слова постороннихъ людей.

При прежнемъ строѣ священники жили разрозненно. Теперь имъ всѣмъ нужно сплотиться, такъ какъ при распряхъ и раздорахъ по одиночкѣ ихъ могутъ осилить недоброжелатели. Не только по одеждѣ, но и по рѣчамъ священникамъ нужно быть похожими другъ на друга и другъ друга поддерживать. При ошибкѣ собрата необходимо ему сказать о томъ съ любовью и лаской, а на указанія сердиться не приходится. Ради начала единенія полезно теперь каждому духовному лицу привѣтствовать при встрѣчахъ своихъ собратій, хотя бы и незнакомыхъ, безъ различія сана и возраста: пусть протоіерей не стѣсняется поклониться первымъ діакону, если тотъ забылъ исполнить этотъ приемъ братства.

Время теперь жуткое, и каждое слово необходимо взвѣ-

шивать, но молчать никакъ нельзя. Вредно быть и трусомъ Чѣмъ смѣлѣе и чѣмъ увѣреннѣе говоритъ каждый человѣкъ, тѣмъ большее вліяніе онъ оказываетъ на слушателей. Необходимо быть настолько смѣлымъ, чтобы насъ никто не заковывалъ въ цѣпи и настолько кроткимъ, чтобы выслушать и понять другихъ. У насъ есть мѣсто для учительства—храмъ. Но нельзя не пользоваться и другими случаями.

Для содѣйствія церкви необходимо забыть всякіе мелкіе счеты съ учителями и учительницами земскихъ училищъ и привлечь ихъ на свою сторону. Въ противномъ случаѣ получится рознь въ работѣ интеллигентныхъ лицъ въ деревнѣ. Теперь необходимо стать выше мелочей. Но въ собственной жизни, въ отношеніи къ себѣ приходится быть строгимъ, начиная одеждой и кончая поведеніемъ. Всякая роскошь, всякое выставленіе яркихъ рясъ, манжетъ, воротничковъ, куреніе табаку, игра въ карты и другія мірскія удовольствія способны разрушить весьма быстро авторитетъ священника. Теперь это воздержаніе отъ излишествъ вполнѣ зависитъ отъ насъ самихъ, а не отъ распоряженій начальства. Духовенство теперь можетъ опереться только на своихъ пасомыхъ, такъ какъ его опора, въ видѣ гражданской власти, рухнула, и новое правительство само ждетъ поддержки отъ духовенства.

При старомъ государственномъ строѣ мѣсто красило чело-вѣка, теперь имѣетъ главное значеніе личность и ея качества. Борьба съ существующимъ теченіемъ вызываетъ напрасную трату силъ, и не всегда умѣстна. Несравненно лучше стремленіе направлять и исправлять русло потока каждому сообразно со своими силами, живя во всякомъ благочестіи и чистотѣ, тихо и безмолвно по внѣшности, но могуче и властно по внутреннему содержанію. А внутренняя сила всегда влечетъ къ себѣ сердца слабыхъ и обремененныхъ житейскими бѣдами. Навязывать свое мнѣніе другому вредно, но при вопросѣ отвѣтить слѣдуетъ по совѣсти.

Можетъ-ли духовенство принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ?

Не всё сходится въ одинаковомъ рѣшеніи этого вопроса. Разность рѣшеній зависитъ отъ неполноты въ воззрѣніи на предметъ. Въ самомъ дѣлѣ, Разъ священникъ въ то же время и гражданинъ, то безъ всякаго сомнѣнія онъ можетъ имѣть свои общественно-политическіе взгляды и убѣжденія и соотвѣтственно имъ можетъ принадлежать къ той или другой политической партіи.

Но, становясь челоуѣкомъ партіи, священникъ рискуетъ быть лишь только гражданиномъ, или—больше гражданиномъ, чѣмъ пастыремъ. Дѣло въ томъ, что всякая партія ограничиваетъ дѣятеля своей платформой (программой) и требуетъ безусловнаго подчиненія ея дисциплинѣ. Всякая партія вынуждается и всякое жизненное явленіе разсматривать и оцѣнивать лишь съ своей программной точки зрѣнія; всякая партія на общественныхъ дѣятелей изъ другихъ партій приневольно смотрѣтъ какъ на противниковъ, соперниковъ, и очень нерѣдко даже какъ и на враговъ. Вотъ почему отъ всякаго дѣятеля, который призывается служить всѣмъ, а не части какого-либо народа или общества, которому необходимо освѣщать всякій предметъ со всѣхъ сторонъ, раскрывать въ немъ добрыя и худыя качества,—необходимо требуется внѣпартійное, вышепартійное служеніе.

Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, выше всякой партіи въ общественномъ своемъ служеніи долженъ стоять пастырь церкви.

Ему связать себя съ какой-либо партіей значитъ отказаться отъ полноты своего пастырскаго служенія, отказаться отъ мысли о духовномъ воспитаніи пасомыхъ не своей партіи, ибо тѣ будутъ уже овцами иного стада съ иными, быть можетъ, и пастырями. Ограничивая себя партійностью, пастыри могутъ сузить самое пастырское служеніе. Нечего, конечно, говорить о томъ, что пастырь партійный въ многопартійномъ приходѣ будетъ аномаліей, ибо вмѣсто мира будетъ вносить постоянный партійный раздоръ и вражду въ среду своего прихода.

Такимъ образомъ, внѣпартійность или лучше—вышепартійность для пастырей церкви явленіе самое желательное и необходимое: оно не только не суживаетъ его общественнаго служенія, не только никого отъ него не отклоняетъ; а напротивъ открываетъ ему возможность для самой широкой, открытой и цѣлостной общественной дѣятельности въ духѣ христіанскаго мира и любви. Внѣпартійный пастырь, никѣмъ и ничѣмъ внѣшнимъ, партійнымъ, не связанный и нестѣсняемый, по примѣру древнихъ пастырей, можетъ вѣрно и правильно оцѣнивать всякое отъ правительства, или отъ какой-либо партіи исходящее явленіе и распоряженіе, энергично проводить въ сознаніе всего своего прихода истинный христіанскій взглядъ на нихъ, свободно и открыто отстаивать свои пастырскія задачи и цѣли, обличать неправду, откуда бы она ни исходила. При такомъ образѣ дѣйствій пастыря никто не будетъ имѣть права заподозрить его въ чемъ-либо преступномъ, партійномъ, бросить ему укоръ въ несправедливости или лицепріятіи; тогда всѣмъ партіямъ будетъ ясно, что пастырь судить не о лицахъ, а объ ихъ дѣлахъ, что онъ обличаетъ не дѣятелей, а ихъ дурныя настроенія и проступки.

И едва-ли кто рѣшится утверждать, что такая общественная дѣятельность для пастыря церкви безмятежна и спокойна, что быть выше партіи значить стоять за спинами другихъ. Нѣтъ. Всякая партія, пріобрѣтши право на свое существованіе, тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ правительственныхъ преслѣдованій и стѣсненій, а нелегальная партія существующею круговою порукою между ея членами охраняетъ своихъ дѣятелей, освобождая ихъ отъ всякаго рода стѣсненій и злключеній, срастворяя своими заботами и вниманіемъ ихъ печали и скорби. И только вышепартійный пастырь одинокъ: некому за него постоять, не на кого ему опереться въ критическую минуту: только Господь Богъ и св. Евангеліе—его прибѣжище и сила..

При такомъ представленіи характера и направленія пастырскаго общественнаго служенія само собой исчезнетъ опасеніе, что пастырь, вступая въ ряды общественной дѣя-

тѣльности, раздвоится на духовнаго служителя и гражданина. Нѣтъ. Пастырь всюду останется пастыремъ и при всякомъ общественномъ служеніи будетъ духовнымъ вождемъ заботящимся о спасеніи своихъ пасомыхъ. На все онъ смотритъ и все опѣниваетъ не съ точки зрѣнія извѣстной партійной программы, а христіанскаго міровоззрѣнія. Программой для пастыря служить св. Евангеліе: на знамени у него одинаково для всѣхъ написано: всеобщее во Христѣ братство, равенство, экономическая и духовная свобода. Цѣлью его дѣятельности служить жизнь во Христѣ и спасеніе душъ пасомыхъ.

При такомъ пониманіи дѣла не только нечего опасаться, а наоборотъ, остается только крѣпко желать самага широкаго участія для пастырей во всѣхъ политическихъ обществахъ и организаціяхъ, начиная съ сельскаго схода и кончая Учредительнымъ Собраніемъ. Всюду пастыри церкви будутъ вносить духъ Христовъ, свѣтъ евангельскій и любовь братскую; всюду будутъ служить они не къ раздѣленію, а къ умиротворенію, всюду будутъ работать не на разгоряченіе страстей, а на утишеніе человѣческихъ бурь и настроеній.

Деревня и духовенство во дни революціи.

Тихая народная жизнь сильно всколыхнулась отъ революціи. Революція сдѣлала то, что народъ, какъ только почувствовалъ, что спали цѣпи рабства, заговорилъ о своемъ тяжеломъ положеніи, сталъ требовать себѣ будущаго лучшаго. У крестьянина сейчасъ не сходятъ съ языка слова о землѣ: „дайте „земли“ „Прислуга“ всѣхъ родовъ говорить: „за прежнюю цѣну служить не буду; Фабричный рабочій добился 8-ми часового рабочаго дня. Почтовое вѣдомство уже добилось увеличенія своего содержанія.

Вездѣ организація, каждый у своего дѣла работаетъ.

Видя эту работу, видя, что Россія превратилась въ „говорилю“, многіе и многіе обвиняютъ духовенство въ молчаніи, еще больше—въ бездѣятельности.

Правда, у духовенства никакой организаціи, никакого общаго дѣла.

Но гдѣ и кто виновать въ этомъ? Духовенство?—нѣтъ.

Это вина тѣхъ условій, среди которыхъ живетъ духовенство, это слѣдствіе его безавторитетности, безпомощности, разъединенности между собою и удаленности отъ своего начальства. Вполнѣ допустимо, что воспитанное въ рабствѣ духовенство сейчасъ не въ силахъ заговорить языкомъ свободы и дѣла. Духовенство все еще ждетъ предписаній и боится самодѣятельности. Но здѣсь не мѣсто обвиненію, здѣсь мѣсто сожалѣнію, такъ какъ всѣ здѣсь отмѣченныя ненормальности лежатъ внѣ духовенства: духовенство само является страждущимъ. Правда, слабость духовенства многое дало революціи. Произошло то, что организациі, не встрѣчая разумнаго и твердаго слова духовенства, стали выдѣлять изъ своей среды „апостоловъ“ и посылать ихъ въ народъ, чтобы тамъ сказать то, что имъ хотѣлось сказать.

Все зло здѣсь въ томъ, что сѣмя революціи бросается на самую слабую неподготовленную почву, порождается, говоря скромно, одно безуміе, озлобленіе. Деревня, подъ вліяніемъ всего этого, мѣняетъ свою фізіономію, оставляетъ своихъ пастырей и идетъ за провокаторами. Опять виновато духовенство?—нѣтъ.

Главная причина разлада прихода съ духовенствомъ—это старый режимъ, старый строй, который не давалъ казеннаго обезпеченія духовенству, чѣмъ намѣренно натравлялъ народъ на духовенство. Старый порядокъ сознательно вносилъ разъединеніе, боясь сплоченности народа съ духовенствомъ, видя силу въ этомъ единеніи, а царизму хотѣлось видѣть около себя безсиліе, чтобы легче было повелѣвать. Нынѣшняя разруха деревни—это наслѣдіе царизма.

Отмѣтивъ извиняющія духовенство обстоятельства, всетаки, приходится сказать, что духовенство неправо, что молчитъ и отстраняется сейчасъ отъ дѣла. Духовенство испугалось возгласовъ деревни: „долой духовенство“, „закрывать храмы“, но этотъ страхъ напрасный и ложный. Отмѣченныя возгласы деревни, это возгласъ не безвѣрія, а только голосъ народнаго озлобленія и непониманія, вызванный прошлымъ церковно-приходской жизни. Само это озлобленіе народа выросло только на недоразумѣніи: народъ не сумѣлъ отличить праваго отъ виновнаго. Народъ видѣлъ около себя духовенство, смотрѣлъ на духовенство, какъ на виновника самаго побора, а не видѣлъ, что этотъ

поборъ только зло системы содержанія духовенства, гдѣ само духовенство задыхалось.

Сейчасъ не мѣсто молчанія и боязни. Наоборотъ теперь то и нужно сильное и смѣлое слово для выясненія этого печальнаго явленія; это тѣмъ необходимѣе, что „хулиганство“ это—голоса отдѣльныхъ единицъ, а пока православіе считается не единицами, а миллионами. Православныхъ около 125 миллионѡвъ. Не всѣ такіе, что имъ духовенство не нужно, есть и такіе, что безъ храма и безъ духовенства не признають жизни, послѣднихъ много больше первыхъ. Духовенство далѣе—не самозванцы, духовенство служители православія. Тогда нужно прежде забыть православіе, а тогда уже говорить о ненужности духовенства. Наконѣцъ, духовенство, какъ и весь народъ русскій, есть гражданае, а мнѣ думается, сейчасъ при свободѣ, равенствѣ и братствѣ совсѣмъ недопустимо, чтобы цѣлое сословіе подвергать незаслуженнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ. Допустить „пасынковъ“, это значитъ допустить все старое, признать, что слова о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, чѣмъ такъ горда сейчасъ Россія—только слова, а далеко не дѣло. Такимъ образомъ, неизбежно появляется вопросъ о положеніи сейчасъ духовенства, объ его обезпеченіи не только появляется, но и требуетъ немедленнаго разрѣшенія.

Но всѣ такіе вопросы не подлежатъ единоличному разрѣшенію, это дѣло всего народа совмѣстно съ духовенствомъ. Отсюда съ неизбежностію вытекаетъ вопросъ о церковномъ Соборѣ, что скажетъ церковный Соборъ, то и будетъ. Остается только пожелать, чтобы будущее не было похоже на прошлое, а это обязываетъ насъ къ работѣ и работѣ, къ сознательному проведению достойныхъ работниковъ на церковномъ Соборѣ. Вѣдь весь ужасъ церковно-приходскаго дѣла въ томъ, что русскій народъ глубоко вѣрующій, благодаря только злостной системѣ содержанія духовенства, доведенъ до религіознаго озлобленія, результаты чего мы теперь видимъ и переживаемъ. Разъ мы противъ старой системы полностью, то въ обновленной Россіи, ничто старое и не должно быть въ жизни прихода и духовенства. Жизнь церковная должна складываться на новыхъ началахъ, на началахъ автономіи и выборномъ началѣ, чтобы у церковнаго

дѣла дѣйствительно были люди сознательно дѣйствующие, а не шли бы на поводу у другихъ, чтобы дать дѣйствительную религиозность и просвѣщеніе, въ чемъ такъ сильно нуждается сейчасъ русскій человѣкъ.

Соборной церкви г. Ельни.

Свящ. *И. Соколовъ.*

О матеріальномъ обеспеченіи духовенства.

(Ответъ О. И. Селезневу, О. И. Заболотскому и другимъ).

Настоящій моментъ многіе и изъ духовенства сочтутъ мало подходящимъ для разсужденій о такомъ узко практическомъ и частномъ вопросѣ, какъ матеріальное обеспеченіе наше. Но такъ кажется только на первый взглядъ. Вдумываясь глубже, мы должны будемъ придти къ тому заключенію, что это вопросъ всегдашній. Руководясь такими соображеніями! Вотъ почему я хочу дать своимъ оппонентамъ отвѣтъ по существу вопроса о матеріальномъ обеспеченіи духовенства именно теперь.

Прежде всего долженъ сказать, что мои уважаемые оппоненты или не поняли меня, или просто не желали понять. Достойно сожалѣнія, что О. И. Селезневъ, вольно или невольно, допустилъ даже передержки. Дважды онъ говоритъ, что я защищаю „настоящій способъ содержанія духовенства“ (Смол. Еп. Вѣд., 1916 г., № 22, стр. 520), а въ началѣ своей статьи приписываетъ мнѣ такія мысли, которыя мнѣ никогда и въ умъ не приходили. Онъ пишетъ, будто я въ своей статьѣ доказываю, „что стремленіе духовенства получить казенное жалованье взамѣнъ „поручной“ платы за требы, не только не желательно, но прямо вредно для его благосостоянія“ (ibid, сср. 517). Поручной платы я не защищалъ, а такой нелѣпицы, извините за выраженіе, что жалованье „вредно для благосостоянія“ духовенства мнѣ, повторяю, и въ умъ никогда не приходило. Хотя я, по мнѣнію многихъ, и большой ригористъ, потому что отказываюсь отъ полученія татарскихъ и еврейскихъ копеекъ

за совершение таинствъ для православныхъ, но деньги, какъ таковыя, я признаю и вреда отъ нихъ ни для себя, ни для всего духовенства не вижу. Не будемъ однако останавливаться на всѣхъ мелкихъ возраженіяхъ, но на одно изъ нихъ, что „деньги не имѣютъ специфическаго запаха по народностямъ“ (ibid, стр. 518) слѣдуетъ обратить вниманіе. Всѣмъ извѣстна поговорка сомнительнаго свойства дѣльцовъ и прежнихъ кулаковъ, что „деньги не пахнутъ“. Но подумайте хорошенько, пристало-ли это говорить намъ духовнымъ? Только говоря это, а не поступая такъ въ жизни, кому мы уподобляемся? Конечно, судить строго насъ за это нельзя. „Вѣдомство Православнаго Исповѣданія“ и наша прежняя горькая жизнь довели насъ до такого притупленія нравственныхъ чувствъ.

Надежды духовенства на вполне достаточное жалованье изъ казны особенно оживились въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго года. Насколько основательны были эти надежды можно судить по той борьбѣ, которая шла въ верхахъ около этого вопроса. У меня сохранилась выписка изъ газетной записки по этому вопросу. Между прочимъ въ рѣшеніи вопроса объ обезпеченіи духовенства казеннымъ жалованьемъ вмѣшался и бывший министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ. Оказывается, спѣшили обезпечить духовенство жалованьемъ изъ боязни грядущей революціи. Оберъ-прокуроръ синода Раевъ, отставивъ свой проектъ о назначеніи жалованья духовенству, выдвигалъ главнымъ мотивомъ то обстоятельство, что въ случаѣ, если теперешняя необезпеченность духовенства будетъ продолжаться и впредь, то вполне возможно ожидать, что многочисленные пастыри земли русской стануть во главѣ оппозиціоннаго движенія. А. Д. Протопоповъ, исходя изъ тѣхъ же мотивовъ, доказывалъ какъ разъ обратное, а именно; въ случаѣ, если все русское духовенство превратится путемъ назначенія постояннаго жалованья въ чиновниковъ, вполне возможно ожидать взрыва народнаго негодованія, объектомъ котораго послужитъ не только само духовенство, но и ближайшія административныя инстанціи. Единственнымъ средствомъ обезпечить духовенство

матеріальнымъ достаткомъ Протопоповъ считалъ безотлагательной реформу прихода, на обязанности котораго и будетъ лежать содержаніе приходскаго духовенства. Словомъ—хотѣли жалованьемъ купить духовенство. Какъ видите, моя боязнь казеннаго жалованья, а чрезъ него и зависимости отъ правительства давшаго жалованье, была вполне основательна. Представьте себѣ то положеніе, въ какомъ мы оказались бы, если бы намъ дали казенное жалованье, скажемъ, хотя бы за годъ до совершившагося переворота. Если даже теперь многіе не вѣрятъ искреннему сочувствію духовенства новому правительству, то тогда не повѣрилъ бы никто. Отъ всей души возблагодаримъ Господа Бога что не случилось этого. Возблагодаримъ Господа Бога и за то, что намъ не пришлось хотя на краткое время воспользоваться казеннымъ жалованьемъ и тѣмъ окончательно порвать связь съ прихожанами. Тогда бы намъ не на чѣмъ было строить свое матеріальное обезпеченіе, а теперь эта связь еще сохранилась и на ней мы и построимъ свое обезпеченіе. Трудно это будетъ, но унывать не слѣдуетъ. Будемъ твердо надѣяться на помощь Божию и, вѣримъ, надежда не посрамитъ. Трудность разрѣшенія вопроса обезпеченія духовенства жалованьемъ отъ прихода выдвинулъ въ своемъ возраженіи О. І. Заболотскій. Это дѣйствительно единственное и самое серьезное возраженіе и требуетъ отвѣта. О. І. Заболотскій справедливо пишетъ, что „обложеніе прихода опредѣленнымъ жалованьемъ въ пользу причта—тотъ же путь казеннаго жалованья, но болѣе тернистый, такъ какъ и взысканія съ прихода, очевидно, будутъ носить *принудительный* (курсивъ нашъ) характеръ, разъ это будетъ обязанность, (Смол. Епарх. Вѣд., 1917 г., № 1, стр. 9). Вотъ именно принудительность налога для обезпеченія духовенства жалованьемъ отъ прихода, какъ пишетъ О. І. Заболотскій, и несовмѣстимость его съ тѣми отношеніями, кои соединяютъ духовенство съ народомъ и въ коихъ должно стараться по всей возможности удалять всякое понятіе притязанія и отягощенія и суть камни преткновенія въ данномъ вопросѣ. Но если не полное устраненіе, то смѣгченіе ихъ до минимума всетаки

возможно. Одиозенъ и неприемлемъ этотъ налогъ былъ для теперешняго, не свободнаго прихода. Въ автономномъ же и свободномъ приходѣ одиозность его исчезнетъ. Характеръ принудительности для отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ и автономнаго прихода, конечно останется. Но, вѣдь, извѣстно, что права налагаютъ обязанности. Въ реформированномъ, свободномъ приходѣ это будетъ уже не принудительный налогъ, а обязанность добровольно вступившаго въ лоно прихода лица. Несомнѣнно Учредительное Собраніе внесетъ въ новую конституцію, какъ одну изъ незыблемыхъ гражданскихъ свободъ—свободу совѣсти. При свободѣ совѣсти государство можетъ относиться къ культумамъ двояко. Во первыхъ, государство можетъ смотрѣть на всѣ культы, какъ на *частныя* ассоціаціи и общества. Въ этомъ случаѣ оно считаетъ себя обязаннымъ лишь контролировать ихъ, осуществлять надъ ними надзоръ и совершенно не думаешь ихъ какъ—нибудь поддерживать. Государство какъ бы ссорится съ культурами, отрекается отъ нихъ, не признавая за ними ихъ культурнаго значенія. Въ результатѣ устанавливается система отдѣленія церкви отъ государства, принятая Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами съ конца XVIII вѣка и Франціей съ 1905 года. Во вторыхъ, государство можетъ смотрѣть на всѣ культы, какъ на институты и ассоціаціи *публично-правового* характера, уважая ихъ историческое происхожденіе, цѣня культурныя заслуги и моральное значеніе. Въ этомъ случаѣ, соблюдая свободу совѣсти и сохраняя незыблемость своего суверенитета, государство можетъ оказывать культурамъ юридическую и матеріальную поддержку подобно тому, какъ оно покровительствуетъ наукамъ, искусству, литературѣ и т. д. Такое отношеніе носитъ техническое названіе—системы государственнаго надъ церквами верховенства, осуществляемой въ Англіи, Германіи и другихъ государствахъ Западной Европы. Если у насъ будетъ принята первая система, то послѣдовательно проведенное отдѣленіе церкви отъ государства обратитъ православную церковь, насчитывающую до 121 милліона православныхъ, наравнѣ съ другими культурами, въ частное религіозное общество, лишитъ всѣ культы

ихъ храмовъ, монастырей, зданій и собственности, которыя государство и будетъ сдавать въ наемъ для богослуженія и другихъ религіозныхъ цѣлей, какъ это и есть во Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ государство, конечно, лишитъ духовенство и всякаго жалованья и пенсій. Другое дѣло, если въ текстъ новой конституціи будутъ введены нормы, характеризующія систему государственнаго надъ церквами верховенства. Въ этомъ случаѣ такъ же безпрепятственно получить свое осуществленіе полная свобода совѣсти и могутъ быть выведены изъ нея всѣ слѣдствія. Но культы будутъ признаны государствомъ, какъ публично — цѣнныя культурныя установленія и ассоціаціи, и потому оно будетъ ихъ поддерживать и юридически и морально въ соотвѣствіи съ тѣмъ, какое историческое и культурное значеніе имѣетъ каждый изъ культовъ, и много ли приверженцевъ онъ имѣетъ. Это справедливое отношеніе воздастъ каждому культу свое, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не сдѣлается государственнымъ, потому — что само государство должно будетъ признать себя внѣконфессіональнымъ и безрелигіознымъ. Несомнѣнно, что именно эта система гораздо полезнѣе Россіи, гдѣ религіозные запросы еще очень велики, и гдѣ введеніе еще новыхъ церковныхъ налоговъ для поддержанія духовенства, храмовъ, духовно-учебныхъ заведеній и т. д., по крайней мѣрѣ, въ короткій срокъ, было бы весьма трудно осуществимымъ, особенно безъ санкціи государства. При этой системѣ отношеній церкви и государства станетъ приемлемымъ для духовенства и жалованье отъ государства, потому что его дадутъ намъ какъ служителямъ и хранителямъ высочайшей для человѣка цѣнности, имѣющей благотворное соціальное значеніе. Въ этомъ жалованьѣ уже не будетъ никакихъ заднихъ цѣлей въ родѣ тѣхъ, по которымъ хотѣли намъ дать казенное жалованье г. г. Раевъ и Протопоцовъ. На такое жалованье согласны будутъ и такіе ригористы, какъ пишущій эти строки, потому что такое жалованье не окажетъ вліянія на внутреннее свободное устроеніе церковной жизни и не свяжетъ насъ пастырей въ проповѣди чистаго ученія Христова. Можно надѣяться, что такая система сохранится въ Россіи

долго и у насъ не случится того что произошло во Франціи въ 1905 году. Правда, наша церковная іерархія и нѣкоторые представители бѣлаго духовенства, особенно въ послѣднее время, слишкомъ унизили себя своимъ холопствомъ, доходившимъ до заискиванія ихъ предъ Распутинымъ, но въ этомъ вовсе не виновато все духовенство въ его цѣломъ, которое вѣками служило и еще будетъ служить русскому народу. Въ массѣ своей духовенство никогда не было заражено клерикальнымъ зломъ въ грубой формѣ.

Теперь нужно подумать о томъ, чтобы въ Учредительное Собраніе отъ духовенства прошло лицо, могущее защитить истинные интересы Святой православной Церкви, а не „Вѣдомство Православнаго Исповѣданія“, Объ этомъ долженъ имѣть сужденіе предстоящій Епархіальный съѣздъ духовенства.

Священникъ *Теодоръ Цвѣтковъ*.

Докладная записка.

Общимъ собраніемъ педагоговъ духовной школы г. Смоленска на собраніяхъ 20 марта, 17, 19 и 21 апрѣля признана принципиально необходимость отдѣленія образовательной православной школы отъ богословскаго училища, и теперешняя духовная семинарія освобождена, такимъ образомъ, отъ двойственныхъ цѣлей, какія ставились ей уставомъ 84 года.

Особой комиссіи, выдѣленной изъ среды педагоговъ, предложено высказаться о цѣляхъ, средствахъ, конструкціи и способахъ обезпеченія богословскаго училища при новомъ строѣ государственной жизни въ свободной Россіи. Какъ членъ указанной комиссіи, имѣю честь предложить на разсмотрѣніе комиссіи, а затѣмъ и общаго собранія педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній г. Смоленска свой проектъ устройства пастырскаго училища. Мною начертано въ немъ лишь общія попоженія въ схематическомъ видѣ безъ подробнаго ихъ раскрытія. При его составле-

ніи я исходилъ изъ мысли о возможномъ отдѣленіи церкви отъ государства. Но при этомъ ненужно забывать величайшей культурно-исторической заслуги нашей церкви и нашей духовной школы; почти 120 миллионный православный народъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, дѣлившимъ и радости и невзгоды народа, вправѣ разсчитывать и въ будущемъ свободномъ строѣ на готовность государства всѣми мѣрами поддерживать матеріально православную Церковь съ ея культурно-просвѣтительными учрежденіями, къ каковымъ слѣдуетъ отнести нашу духовную школу прежде всего Такого мнѣніе и Екаторинославскаго собранія духовенства и мірянъ (резолуціи § 2 и 3). Вотъ основанія свѣтлыхъ упованій, что кредиты на просвѣтительныя учрежденія Церкви во всякомъ случаѣ и при новомъ устройствѣ государственной жизни въ Россіи сокращены не будутъ.

Но, кромѣ этого, есть и иное основаніе. Какъ спроектированная нашимъ собраніемъ православная средняя школа, такъ и пастырскія училища — широко и гостепріимно откроютъ свои двери (§ 10) для свѣхъ слоевъ населенія и особенно для свободныхъ гражданъ изъ крестьянства и духовенства. Получая своихъ питомцевъ изъ столь свѣжей и многообѣщающей среды, какъ наше крестьянство, духовная школа будущаго должна явиться могучимъ факторомъ христіанской культуры. При этомъ условіи сами собой отпадаютъ всѣ страхи и опасенія какихъ либо враждебныхъ отношеній къ ней со стороны государства: вѣра въ здравый смыслъ, гражданскую зрѣлость и любовь православнаго народа къ воспитавшей его въ духѣ подлиннаго христіанства православной Церкви — не дадутъ мѣста этимъ опасеніямъ. Напротивъ, можно питать надежду, что при широкомъ и своевременномъ опубликованіи о всесловности духовной школы и при неизмѣнномъ проведеніи этого принципа въ жизни (а повсемѣстнаго и послѣдовательнаго этого принципа все же не было и послѣ 1905 года) наша школа безъ питомцевъ не останется. Только на первыхъ порахъ возможенъ некомплектъ пастырскихъ училищъ, такъ какъ дѣтямъ духовенства, питомцамъ нынѣшней семинаріи открытъ, широкий просторъ поступленія въ высшую

государственную школу для подготовки къ служенію внѣ церкви, а съ другой стороны въ ближайшемъ будущемъ пастырство не на словахъ лишь, но на дѣлѣ явится подвигомъ, можетъ быть, даже близкимъ къ мученичеству и мало посему найдется добровольцевъ на этотъ подвигъ. Но Церковь и выявляла всегда свою внутреннюю красоту, все свое неземное обаянія въ дни мученичества. Стоитъ поэтому начать живую работу надъ появленіемъ скрытыхъ въ Церкви силъ, кроющихся въ ея глубинныхъ истокахъ, какъ наше юношество, отзывчивое на все идеальное, святое, высокое, пойдетъ сознательно и охотно на тяжкій трудъ подготовки къ тернистому пастырскому служенію. На всякій же случай въ качествѣ временной мѣры въ пастырское училище открыть доступъ (§ 11 прим.) и взрослымъ людямъ съ образованіемъ не ниже нынѣшняго духовнаго училища.

Пастырскую школу будущаго, разумѣется, необходимо связать съ общей средней школы (7 или 8 лѣтъ обученія) и высшей духовной школой (3 года) и срокъ обученія въ пастырскомъ училищѣ необходимо ставить въ связи съ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Одно можно сказать, что срокъ этотъ очень продолжительнымъ быть не долженъ,—3—4 года достаточно; но онъ не можетъ быть и очень краткимъ: наше время повелительно требуетъ, чтобы пастыри были просвѣщенные люди не только богословски, но и знали современное умонастроеніе и жизнепониманіе общества,—только при этомъ условіи они явятся подлинными руководителями пасомыхъ; главное, конечно, чтобы кандидаты священства выносили изъ училища цѣлостное христіанское жизнепониманіе и мировоззрѣніе. Имѣеть всю важность вопросъ о возрастѣ вступающихъ въ пастырское училище: принципиально можно сказать, что въ него вступаютъ лица, способныя уже опредѣлить сознательное отношеніе къ избираемому ими роду жизни и дѣятельности, лица, прошедшія общую среднюю школу.

Не указываю въ проектѣ, какое число учебныхъ часовъ потребно на преподаваніе отдѣльнаго предмета потому, что этотъ вопросъ легче, лучше и вѣрнѣе обсудить соборнымъ умомъ

въ комиссіи, состоящей преимущественно изъ преподавателей богословскихъ предметовъ. Въ связи съ этимъ вопросомъ я позволю себѣ высказать два существенныхъ пожеланія, — а) пора Новому Завѣту, какъ первоосновѣ христіанства, дать доминирующее положеніе въ пастырскомъ училищѣ, предоставивъ на изученіе этого предмета число часовъ не меньшее, а большее, чѣмъ на Ветхій Завѣтъ (примѣрно на Новый Завѣтъ 10, а на Ветхій Завѣтъ 8 часовъ) и б) исторіи и обличенію старообрядчества, какъ особой богословской наукѣ, можно не отводить особаго мѣста среди предметовъ пастырскаго училища, такъ какъ, видимо, близокъ часъ объединенія единыхъ по крови и духу православныхъ людей и стараго и новаго обряда.

Предлагая проектъ на судъ педагоговъ духовной школы г. Смоленска, я усерднѣе просилъ бы отнестись къ вопросу о подготовкѣ пастырей Церкви со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ, какого заслуживаетъ эта насущнее для родного Православія дѣло и послѣ и вмѣстѣ со своимъ заключеніемъ представить его на обсужденіе какъ мѣстнаго епархіальнаго съѣзда духовенства и мирянъ, такъ и на судъ Всероссійскаго съѣзда педагоговъ духовной школы, какъ свободный, соборный голосъ Смоленскихъ педагоговъ, духовенства и мірянъ.

Ректоръ Смоленской духовной семинаріи

Архимандритъ Даміанъ.

4 Апрѣля 1917 г ода.

Проектъ пастырскихъ школъ.

1. Въ каждой епархіи утреждается пастырское училище для всесторонней подготовки къ пастырскому служенію лицъ, сознательно и добровольно опредѣляющихъ себя къ служенію православной церкви.

2. Пастырскія училища состоятъ въ высшемъ вѣдѣніи Св. Синода; отъ него они получаютъ и утвержденный уставъ

и средства къ содержанію изъ Государственнаго Казначейства, пропорціонально числу приходоу въ епархіи, и во всякомъ случаѣ обезпечивающія содержаніе личнаго состава и зданій училищъ. Ближайшимъ же образомъ пастырское училище подчиняется органамъ епархіальнаго управленія во главѣ съ епископомъ и при участіи въ немъ членовъ Педагогическаго Совѣта училища; дополнительныя средства на содержаніе студентовъ училища даетъ епархія.

3. Непосредственное завѣдываніе учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ пастырскихъ училищахъ выполняетъ Педагогическій Совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ преподавателей училища и представителей епархіи—(последніе избираются епархіальнымъ съѣздомъ въ числѣ двухъ отъ духовенства и двухъ свѣтскихъ лицъ—отъ мірянъ). Педагогическій Совѣтъ возглавляетъ избранный Ректоръ.

4. Всѣ текущія дѣла окончательно рѣшаются и проводятся въ исполненіе при согласномъ ихъ рѣшеніи въ Совѣтѣ. Дѣла, касающіяся общаго строя, возбуждающія разногласіе среди членовъ,—представляются на утвержденіе епископа. При несогласіи его съ постановленіемъ Совѣта дѣло направляется снова въ Совѣтъ училища для пересмотра. Если и послѣ этого не послѣдуетъ согласіе, то дѣло передается органу епархіальнаго управленія (совѣту пресвитеровъ), при участіи членовъ Совѣта училища и здѣсь или получаетъ окончательное рѣшеніе, или направляется въ Синодъ.

5. Для рѣшенія хозяйственныхъ дѣлъ и нуждъ при училищѣ существуетъ Хозяйственный Комитетъ избранный изъ четырехъ членовъ—два отъ преподавателей (изъ нихъ 1—ректоръ), одинъ членъ, избранный отъ духовенства, и одинъ отъ мірянъ. Для веденія хозяйственныхъ дѣлъ училища долженъ быть экономъ.

6. Ректоръ избирается Совѣтомъ училища изъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, извѣстный своею пастырскою и административною опытностію и состоитъ въ

санъ архимандрита, или протоіерея. Избраніе его утверждается Св. Синодомъ. Ректоръ имѣеть не болѣе 6 уроковъ

7. Преподаватели училища избираются Педагогическимъ Совѣтомъ училища изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ (не менѣе половины ихъ должны быть лица священнаго сана). Преподаватели являются воспитателями на отдѣльный классъ. На ставники воспитатели живутъ въ квартирахъ при училищѣ. Преподаватели утверждаются въ должности Св. Синодомъ.

8. Преподаватели училища получаютъ оклады содержания не ниже преподавателей средне-учебныхъ заведеній министерскихъ, получаютъ прибавки, пенсіи по выслугѣ лѣтъ. Служба преподавателей государственная, церковная.

9. Духовныя лица, состоящія преподавателями училища, стороннихъ обязанностей не несутъ и должны быть приписаны къ училищному храму. Свѣтскіе преподаватели также свободны отъ постороннихъ занятій, а для этого должны быть достаточно обезпечены.

10. Въ училище принимаются лица съ законченнымъ среднимъ образованіемъ (гимназія, православная средняя школа, реальное училище) всѣхъ сословій въ возрастѣ отъ восемнадцати до сорока лѣтъ, — именуются студентами.

11. Окончившіе пастырское училище имѣютъ права на пресвитерство и поступленія въ духовныя трехгодичныя академіи. При недостаткѣ пастырской склонности свободны по окончаніи училища отъ принятія священства, но возвращаютъ епархіи суммы, израсходованныя на ихъ содержаніе во время обученія. Обученіе и содержаніе для студентовъ бесплатное. Содержаніе ихъ производится изъ суммъ государственныхъ и епархіальныхъ.

Примѣчаніе. Взрослые (въ санѣ діакона) по экзамену принимаются изъ окончившихъ высшее начальное училище и по окончаніи курса выходятъ только съ правомъ на священство. (Мѣра временная).

12. Учащіеся обучаются два года и проживаютъ въ общежитіи. Общежитіе устраивается по примѣру академическихъ, комната—на 3—6 студентовъ. Студенты имѣютъ право жить на частныхъ квартирахъ, получая стипендіи,

13. Обученіе и воспитаніе неразрывны и опредѣляются задачами и потребностями идеальнаго пастырскаго призванія и исполненія высокихъ обязанностей душепопеченія, учительства и священнослуженія, а для достиженія этихъ цѣлей необходимы сострадательная любовь, глубокая вѣра, молитвенная настроенность, готовность удовлетворять не только духовнымъ запросамъ народа, но и оказывать сильную помощь въ его житейскихъ нуждахъ.

14. Вспомогательными средствами для достиженія пастырскихъ задачъ служатъ: посѣщеніе св. мѣстъ, участіе въ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, веденіе религіозно—нравственныхъ бесѣдъ, посѣщеніе больницъ и мѣстъ тюремныхъ заключеній и сектантскихъ собраній.

15. Пастырское училище является религіозно—просвѣтительнымъ центромъ. Оно имѣетъ свой храмъ, въ которомъ совершается возможно частое богослуженіе (очередное посѣщеніе), а въ воскресные и праздничные дни совершается богослуженіе при глѣни хора изъ учащихся. Учащіеся соблюдаютъ установленные посты, говѣютъ два раза въ годъ. День начинается и заканчивается общее молитвою. Духовникъ приглашается изъ лицъ монашествующихъ, или бѣлаго духовенства.

16. Обученіе въ школѣ имѣетъ цѣлью не одно сообщеніе знаній, но и выработку въ учащихся цѣлостнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Учащимся необходимо сближеніе съ обществомъ для познанія его духовныхъ нуждъ и запросовъ знаніе текущей дѣствительности—литературы, печати, и общественныхъ движеній и религіозныхъ сектантскихъ.

17. Въ училищѣ бываетъ ежедневно не болѣе пяти

уроковъ по 30 минутъ каждый. Характеръ преподаванія смѣшанный—лекціонный, урочный. Классныя занятія состоятъ въ обученіи, писаніи сочиненій, чтеніи рефератовъ, составленіи поученій и въбогослужебныхъ бесѣдъ. Для самообразованія воспитанниковъ существуетъ библіотека и читальня. Дважды въ году бываютъ репетиціи—въ декабрь, и въ концѣ учебнаго года.

18. Балловой системой при провѣркѣ познаній студентовъ нѣтъ; существуютъ только отмѣтки—удовлетворительно, весьма удовлетворительно и неудовлетворительно. Поведеніе студентовъ отмѣчается характеристикой.

19. Обязательные предметы, преподаваемые въ училищѣ слѣдующіе:

1) Библейская исторія со свѣдѣніями о книгахъ ветхаго завѣта 8 уроковъ 2) Новый завѣтъ 10 уроковъ. 3) Общая церковная исторія съ ист. 5 уроковъ. 4) Русская церковная исторія съ исторіей старообрядчества 5 уроковъ. 5) Основное богословіе 4 урока. 6) Догматическое и срав. богословіе 6 уроковъ. 7) Нравственное богословіе съ аскетикой 4 урока. 8) Церковное право 2 урока. 9) Литургика 2 урока. 10) Патристика съ ученіемъ о папствѣ 2 урока. II) Церковная археологія и исторія искусствъ 2 урока. 12) Ученіе о проповѣдничествѣ (гомилетика) 3 урока. 13) Церковное пѣніе 2 урока (практически). 14) Дидактика 2 урока. 15) Сѣктовѣдѣніе 3 урока.

20) Во внѣклассное время желательно ввести ознакомленіе студентовъ съ а) новѣйшей русской литературой, б) новѣйшей русской исторіей в) основами государственнаго права и ученіемъ социализма.

21. Необязательные предметы въ училищѣ—иконописаніе, пчеловодство, гигиена и рациональное веденіе сельскаго хозяйства; гигиену преподаетъ училищный врачъ.

Ректоръ Смоленской духовной семинаріи

Архимандритъ Даміанъ.

Содержание

I. Общие сведения

1. Предмет исследования 1
2. Цели и задачи 2

II. Методология

3. Методы исследования 3
4. Выборка 4

5. Процедура исследования 5
6. Этические аспекты 6

7. Анализ данных 7
8. Результаты 8

9. Обсуждение 9
10. Заключение 10

Результаты исследования 11
11. Выводы 12
12. Рекомендации 13
13. Список литературы 14
14. Приложение 15
15. Заключение 16

Содержаніе

I. Отдѣлъ оффиціальныи.

Стран.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія	181
Смоленской духовной консисторіи	185

II. Отдѣлъ неоффиціальныи.

Печальное явленіе	201
Слѣдуетъ ли духовенству участвовать въ политиче- скихъ партіяхъ	210
О настроеніяхъ дня	219
По поводу рѣчи свящ. Елашнцева	223
Духовенство при ревелюціи	225
Можетъ-ли духовенство принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ	231
Деревня и духовенство во дни революціи	233
О матеріальномъ обезпеченіи духовенства	236
Докладная записка	241
Проектъ пастырскихъ школь	244

Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ, чтобы рукописи, при-
сылаемыя въ Редакцію для напечатанія, были написаны *разбор-*
чиво и четко на одной страницѣ. Не разборчивыя рукописи
не подвергаются разсмотрѣнію. Рукописи безъ означенія усло-
вій считаются *бесплатными.* Оттиски дѣлаются за особую плату
по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію
высылаются авторамъ за ихъ счетъ— (по присылкѣ нужнаго ко-
личества марокъ) обратно, невостребованныя статьи по истеченіи
года уничтожаются. Мелкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа—
возврату не подлежатъ.